

Валерий Мочальников

Звезда

Тучара

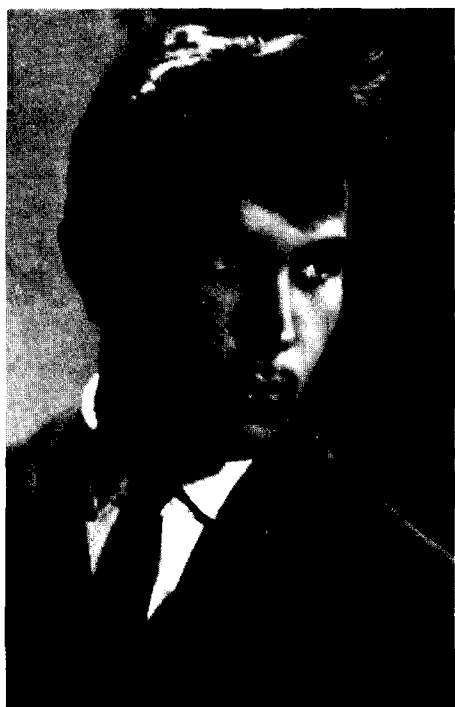

Валерий Могильницкий

Звёзды
Тучага

Звезды Гулага,
звезды во мгле,
Верится, вспыхнут
опять на земле.
Будет свободной душа,
и поэт
Сложит о павших
печальный сонет.
И упадут на колени
в слезах
Мальчики тех,
кто сидел в лагерях.
И на холмах всех погибших
цветы
Даже в метели
будут цвести!

Валерий Шогинский

Апрель, 2001 год
г. Караганда

М 74 МОГИЛЬНИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
«Звезды Гулага». Художественно-документальная книга.
г. Караганда.
ОАО "Карагандинская Полиграфия", 2001 г.

Валерий Михайлович Могильницкий работает в журналистике и литературе более сорока лет. Известен как автор книг "Сарыарка", "На земле Сатпаева", "Строки любви", "Город в степи", "Медь Жезказгана", "В самом центре Евразии", "Люди, которых любят" и других.

В.М.Могильницкий родился 24 мая 1940 года в селе Каскелен Алматинской области. Окончил факультет журналистики Львовского государственного университета. С 1962 года на журналистской работе в газетах "Львовская правда" (г. Львов), "Красное знамя" (Владивосток), "Молот" (Ростов-на-Дону). Около двадцати лет работал собственным корреспондентом республиканской газеты "Казахстанская правда" по Джезказганской и Карагандинской областям. Председатель Союза писателей Карагандинской области. В 2000 году ему присвоено звание "Почетный гражданин города Жезказгана".

Время гласности позволило написать В.М.Могильницкому новую книгу, в которой он выступает на темы, еще до недавнего времени находившиеся под запретом. Сталин и его последователи, утверждая самовластье, жестоко расправлялись прежде всего с людьми мыслящими, талантливymi.

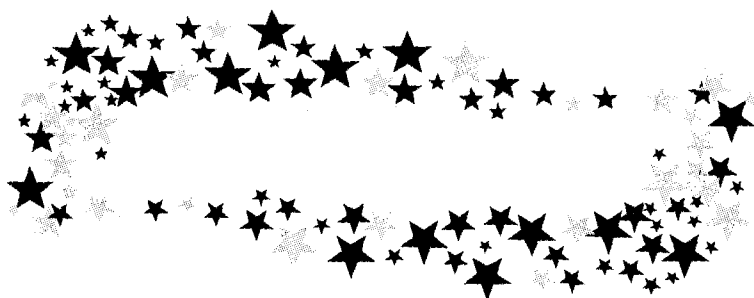
В книге рассказывается о горькой судьбе знаменитых людей, кто волей Сталина и его подопечных оказался за колючей проволокой ГУЛАГа, кто сгорел в жестоком пламени сталинизма. Их имена надо помнить новому поколению молодых.

Книга посвящена памяти жертв политических репрессий. Она написана на основе очерков и статей автора, которые публиковались в газетах "Труд", "Казахстанская правда", журналах "Простор", "Мысль" и других изданиях.

☎ Могильницкий В.М.

ISBN 5-7667-9043-0

Могильницкий В.М. «Звезды Гулага» - Министерство культуры, информации и общественного согласия. Астана. 2001 г.

Глава I

Жена поэта

утешала жену маршала

*М*не довелось немало поездить по Карагандинской области. И в каждой журналистской командировке я как бы заново открывал для себя удивительную страну по имени Сарыарка. Там, где в свое время простирались полупустыни, солонцы, теперь, как волшебные миражи, вставали шумные леса и березовые рощи, парки и скверы...

Я заинтересовался историей посадок зелени в городах и селах Центрального Казахстана. Прочитал немало книг и узнал, что первые масштабные лесокультурные работы в Сарыарке по-настоящему стали проводиться в тридцатые годы. В Казахстане свирепствовали геноцид и голод, а люди сажали леса, разводили сады!

Одна из первых журналистских командировок в Казахстане в 1980 году привела меня в совхоз "Красная Поляна" Шетского района. Здесь я был поражен обилием зелени, особенно меня удивили ширококронные лесополосы в степи. Я приехал с Дона, там на полях так называемые лесные щиты - обычное дело. Но чтобы встретить культурные лесополосы в степной Сарыарке, такие же, как в шолоховском краю!...

Тогдашний директор племзавода "Красная Поляна" Николай Данилович Дворук сказал: "Лесополосы - то одинаковые. Только если на Дону их сажали вольные казаки, то в Сарыарке - заключенные. Немало среди них было и ро-

стовчан, и москвичей, и волжан - их опыт, как видишь, очень пригодился Казахстану”.

И, переходя на шепот, накрепко на ключ закрыв двери своего директорского кабинета, Николай Данилович начал рассказывать историю появления этих диковинных шумных лесополос. “Красная Поляна”, а также близлежащие совхозы “Просторненский”, “Бурминский”, “Ватык”, “Бидаикский” в сталинские времена были лагерными отделениями Карлага. Они входили в состав еовхоза “Гигант” исправительно-трудового лагеря. Его площадь достигала одного миллиона 300 тысяч гектаров - такого крупного совхоза не было нигде в СССР! На Дону тоже был совхоз “Гигант”, но его площадь чуть превышала 25 тысяч гектаров. Для донских земледельцев это, действительно, был гигант, ибо земельная площадь других хозяйств, как правило, составляла 8-10 тысяч гектаров. А в карлаговском “Гиганте” могли вместиться сразу 52 донских “Гиганта”!

В совхозе Карлага проводились большие плановые лесокультурные работы. Первые посадки деревьев были осуществлены осенью 1935 года и весной 1936 года на площади около 36 гектаров. Затем зона лесоразведения постоянно расширялась. Эти работы продолжались и в сороковые, и в пятидесятые годы. Посадочный материал завозили из Красноярского лесопитомника. Отдавали предпочтение тополи бальзамическому и клепу ясенелистному. Кроме них, выращивали вяз мелколистный (карагач), лох узколистный, яблоню сибирскую, ясень зеленый, березу бородавчатую, тамариск, акацию желтую, смородину золотистую.

- А знаешь, кто их сажал? - спросил Николай Данилович. - Не поверишь - самые лучшие умы России...

Оказывается, многие ученые- заключенные Карлага привлекались к изучению ночв лагерных отделений, тонографическим, гидротехническим, ботаническим и другим исследованиям. Среди них - профессор, доктор сельскохозяйственных наук, ботаник, раетениевод и селекционер Л.А.Пельцих. В Карлаге он написал блистательную работу “Растительный покров Тельманского и Жанааркинского районов Карагаидинской области”. Это был первый печатный труд ученых-зэков Карлага. Он был опубликован в книге “Труды научно-исследовательской лаборатории Карлага”, которую издал в 1933 году Казахский институт

экономики сельского хозяйства. Правда, эта книга вышла небольшим тиражом и распространялась только в зонах Карлага.

Проблемами создания лесных полос, посадки деревьев и кустарников в Сарыарке занимались также заключенные - ученые С.А.Архангельский (впоследствии академик ВАСХНИЛ), А.А.Корнилов (ученик Н.И.Вавилова), А.А.Зайцева (будущий лауреат Ленинской премии), И.К. Фортунатов и другие. По их рекомендациям территория совхоза была тщательно изучена в почвенно-ботаническом и климатическом отношении. Заключенные собрали гербарий, - свыше 700 видов растений, которые предполагалось затем культивировать на землях Центрального Казахстана. Для озеленения и создания степных лесозащитных полос ученые-заключенные рекомендовали уже тогда яблоню, сливу, вишню, черную смородину, крыжовник, малину, землянику.

Особо Н.Д.Дворук отметил крупного селекционера Игоря Константиновича Фортунатова. Он в 1931 году окончил Сельскохозяйственную академию имени К.А.Тимирязева по специальности агроном-садовод. В январе 1933 года Игорь Константинович был арестован за "контрреволюционную деятельность", осужден особым совещанием НКВД на пять лет по 58 статье, направлен в Карлаг. В совхозе "Гигант" он заложил первый в Центральном Казахстане сад, где занимался испытанием 85 сортов плодов и ягод, тридцати пород деревьев и кустарников. В местных сонках он обнаружил дикорастущую землянику и заготовил для её разведения более двухсот кустов.

- Я до сих пор помню запах этой чудесной земляники, - говорил Н.Д.Дворук. - Вкуснящая, медом налитая!

Оказалось, сам Дворук работал в исправительно-трудовом лагере. Юношей после окончания средней школы на Украине его призвали в ряды Советской Армии. Службу он проходил в войсках НКВД в Карлаге. Здесь, в Центральном Казахстане, встретился с симпатичной девушкой Зиной, полюбил её, а потом и женился.

В 1953 году Карлаг был ликвидирован, на его территории организовали 16 совхозов, в том числе "Красную Поляну". Демобилизовался Н.Д.Дворук, обосновался с семьей в "Красной Поляне". Работал рядовым зоотехником, учился заочно в вузе, дошел до кресла директора совхоза. Орден Ленина получил за разведение племенных быков

красно степной породы. В семидесятые годы они выстав-
лялись на ВДНХ в Москве.

- Не поверите, - продолжал рассказывать Николай Да-
нилович. - Но я считаю: все, чего мы добились, было зало-
жено заключенными Карлага. Совхоз "Гигант" Карлага
ежегодно участвовал во Всесоюзных выставках сельского
хозяйства. Начальник Карлага О.Линин не раз заверял
нас, работников внутренней службы, на собраниях: "Мы
обязательно получим Золотую медаль Сельскохозяйствен-
ной Выставки в Москве за освоение полупустынной части
Казахстана". И кричал во все горло на нас, чтобы мы ут-
роили свою бдительность, не потакали заключенным, а
наоборот, принуждали их вкалывать до седьмого пота...
Уже в 1940 году совхоз "Гигант" получил 15900 тонн кар-
тофеля и овощей, а в 1941 году - 40384 тонны. Заключен-
ные собрали много яровой пшеницы, ячменя, проса...

Для получения высоких урожаев зерновых, овощей, ягод
в Карлаге использовали орошение. Тысячи заключенных
были согнаны на сооружение Жартасского водохозяйствен-
ного узла. Работали вручную - в основном, штыковыми
лопатами, землю на дамбы перетаскивали на деревянных
носилках. Мужчинам, выполняющим нормы, выдавали
табак, женщинам - дополнительную пайку хлеба.

Ученые-заключенные разработали схемы оросительных
каналов, новые сорта картофеля, пшеницы, пригодные для
местных условий. Они вывели морозоустойчивый сорт ози-
мой ржи, назвали его "Долинская". Новая яровая пшени-
ца тоже именовалась "Долинской" - ио названию главно-
го лагерного пункта Долинка, где располагалось управле-
ние Карлага.

- Кого из ученых-зэков еще можете назвать? - спросил
я Дворука.

Николай Данилович ответил:

- Не поверите, в Карлаге побывали почти все выпуск-
ники Тимирязевской Академии.

И он начал перечислять: Василий Степанович Пусто-
войтов - будущий академик, дважды Герой Социалисти-
ческого Труда, Анна Владимировна Ланина - бывший со-
трудник Всесоюзного института животноводства в Моск-
ве, будущий лауреат Государственной премии СССР...

Николай Данилович отметил, что в создании первых
садов, лесополос, зерновых полей в Красной поляне, Бида-
ике, Жанаарке принимали участие не только заключен-

ные-ученые, но и люди самых разных профессий. Лопатами, кайлами они долбили щебенистую землю, рыли ямы... Кто знает, может, в первых лесопосадках принимала участие, например, сестра маршала Михаила Тухачевского Елизавета Николаевна Тухачевская-Арватова? Она отбывала свой срок в Чурубай-Нурийском лагерном отделении, затем трудилась вольнонаемной разнорабочей в носелке Тонар близ Красной Поляны. Или жена поэта Эдуарда Багрицкого - Лидия Густановна Багрицкая, отбывавшая срок на сельхозработах в Коктенкольском лагерном отделении. Или жена маршала Блюхера - Безверхова Глафира Лукинична, работавшая в совхозе "Гигант" Карлага на Бидайском лагерном отделении дояркой и разнорабочей.

Можно еще вспомнить ученицу Руслановой - замечательную московскую невицу Антонину Ивановну Иванову, которая вместе с другими зэками с 1943 по 1947 год выращивала в совхозе "Гигант" картофель и цветы, сажала деревья... Занимались сельхозработами в Карлаге мать поэта Булата Окуджавы, поэтесса Анна Александровна Баркова; жена известного деятеля Московской партийной организации М.И.Рютина - Евдокия Михайловна Рютина; жена поэта П.Н.Васильева - Е.Валеева-Васильева, бывшая возлюбленная Колчака - Анна Васильевна Тимирова; жена летчика эскадрильи "Нормандия-Неман" Г.Фуко...

Недавно, роюсь в архивах Центра правовой статистики и информации при прокуратуре области, я нашел карточки этих политзаключенных, так называемых членов семей изменников Родины, чем-то не угодивших Сталину и его подхалимам, и так много сделавших для превращения полуустынной зоны Центрального Казахстана в цветущий оазис.

В спецархиве Центра правовой статистики и информации хранится, например, карточка "члена семьи изменника Родины" - маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского, расстрелянного в 1937 году, его сестры Елизаветы Николаевны Арватовой-Тухачевской. В ней значится: год рождения 1906, до ареста проживала в Москве, по Тверской, 48, национальность - русская, образование - среднее, специальность - машинистка. Осуждена особым совещанием НКВД СССР. Арестована 14 июля 1937 года. До 22 декабря 1937 года находилась в Бутырской тюрьме. Прибыла в Карагандинский исправитель-

ный трудовой лагерь НКВД из Вутырки 1 февраля 1938 года. Вначале была направлена в Снаское отделение Карлага, затем - в Чурубай-Нурунский лагерь.

Отбывала меру наказания с 14 июля 1937 года по 14 декабря 1945 года. По отбытии срока была оставлена для сельхозработ в лагере на положении вольнонаемной, без права выезда. В деле политзаключенной я прочитал ее заявление начальнику 8-го Тонарского лагерного отделения. Вот его текст: "Прошу вас принять меня на работу вольнонаемного состава. Я освободилась без права выезда из лагеря 14 декабря 1945 года. Арватова Е.Н." На заявлении - резолюция начальника: "Зачислить Арватову Е.Н. рабочей Тонарского отделения. 16.12.1945 года". Чем только ни занималась Елизавета Николаевна в лагерях Карлага: стирала, стирала, сажала деревья. Сама Е.Н. Тухачевская-Арватова в своих воспоминаниях "В тени монумента", опубликованных в журнале "Огонек", рассказала: "Я, к примеру, осуществляла тюремный "сервис" - была подавальщицей в столовой. Представьте официантку в "робе" с мисками на подносе. А в них - "деликатес" - неремерзшая капуста. Причем, в количестве, вполне пригодном для сегодняшних диет. (И правда, избыточным весом в лагере никто не отличался).

Постепенно появлялось оупение, притерпелась к беспробудному мраку и ужасу. Быть может, это помогло не сойти с ума. А между тем наши судьбы, судьбы жен, висели на волоске. В верхнем эшалоне власти не могли прийти к окончательному решению: что с нами делать? Нам, однако, было известно, что Молотов был за расстрел, - ведь много знали.

Но, видимо, такое показалось кому-то чересчур расточительным. И в 1939 году нас решили использовать как рабсилу на полях или в ином малоквалифицированном качестве. Мне одно время повезло - оказалась учетчицей в тракторной бригаде. Образования, слава богу, хватало, хватало бы хлеба... А его количество зависело от нормы. Хочешь пайку побольше - выполняй больше ста процентов".

Бывший заключенный Карлага, экономист-плановик Асан Полтаржицкий опубликовал на страницах областной газеты "Индустриальная Караганда" свои воспоминания. В них он подтвердил факт пребывания в Карлаге на сельхозработах жены маршала Блюхера. В частности, он писал: "В Бидаикском отделении лагеря находилась

жена маршала Блюхера Глафира Лукннична (член семьи изменника Родины). В Долинке она окончила учкомбинат и работала заведующей фермой”.

Мне много раз приходилось бывать в хозяйствах, которые были лагерными отделениями Карлага, встречаться с бывшими заключенными. От них я узнал много новых подробностей о пребывании так называемых жен изменников Родины в лагерях смерти Сталина. Бывший главный зоотехник Чурубай-Нурина отделения Карлага Степанида Васильевна Никишова восхищалась мужеством этих женщин. Они выходили в поле с серпами на уборку колосовых, напевая знаменитую тогда песню:

*“А ну-ка девушки,
А, ну, красавицы,
Пушкой поет о нас страна.
И доброй славою пушкой прославятся
Среди героев - наши имена”.*

Правда, когда они пели эту песню, у многих из них на глазах появлялись слезы. Но не у всех. Храброй, независимой показала себя в Карлаге Глафира Лукининна Влюхер. Она любила повторять слово “безвременье”.

- Мы живем в годы безвременья, - говорила она подругам и поясняла. - Как еще можно назвать наше существование, нашу жизнь? Мы ведь ничего не можем делать сами, мы все делаем по приказу наших душегубов. Нам остается только одно - гадать и ждать. И работать, работать. Может, со временем Казахстан, действительно, станет процветающей страной, и среди героев, его создающих, назовут и наши имена...

Надзирательниц она презирала и называла не иначе как “жабами” или “злыми бабами”. За подруг же своих - политзаключенков - болела всем сердцем, поддерживала их морально.

- Не предавайся жали, не унывай, - утешала она всякий раз новенькую, присланную в лагерь. - придет время, и рухнет Карлаг. И назовут его Жальбищем, а не тюрьмой народов. И придут сюда экскурсанты, чтобы поплакаться о нашем прошлом, чтобы скорбеть о наших загубленных судьбах. Пусть они знают, что мы не были нытиками, не жалели себя, хоть и житье наше здесь жалостное, грустное и даже больше того заунывное... Не жалуется царь, не жалуется нас и псарь.

Многие политзаключенные, а позже вольнонаемные роптали или плакались, писали жалобы Сталину, Берии, лагерному начальнику. В личном деле № 175713 Глафиры Лукиничны я не нашел ни одной челобитной о своем освобождении, незаконном аресте, незаконном содержании в лагерях Карлага. Ее осудили за “антисоветскую деятельность”, как зафиксировали писари Карлага в учетной карточке Г.Л.Блюхер-Безверховой. Начало ерока - 13 октября 1938 года, освобождена только 23 октября 1946 года. Целых восемь лет в неволе! И все эти годы она ни разу не выступила в роли жалователя! У нее не было скорби о себе! А вот траур по своему мужу она носила все эти годы, одеваясь только в черное платье. И когда заходила речь о маршале, жалобно причитала:

- Родпой ты мой, милый, за что же тебя? За что?

“География” ее мучительного отбывания срока поражает: Бидаик-Долинка-Бидаик-Долинка-Бидаик-Карабас. Ее перебрасывали из одного лагерного отделения в другое, будто бы боялись, что в ее защиту поднимутся политзаключенные Карлага. А все дело в том, что Глафира Лукинична не умела “держат язык за зубами”. Она при всяком удобном случае рассказывала политзаключенным, каким замечательным человеком был ее муж Василий Блюхер, каким он был отважным в бою (под ним не единожды убивали коней, а он вставал и пешим с пистолетом в руках продолжал драться). Он первым в стране в 1918 году был награжден орденом Краенного Знамени - по тем временам это феноменальный факт! И он, мужественный и твердый в поступках воин, в то же время оставался мягким и культурным человеком, хорошим семьянином, любящим отцом. Блюхер хорошо разбирался в литературе, поэзии. Особенно он любил стихи Эдуарда Багрицкого. К своим воспоминаниям о перекопском бое Блюхер поставил эпитафией именно его поэтические строки:

*“И, разогнав густые волны дыма,
Забрызганные кровью и в пыли,
По берегам широкошумным Крыма
Мы красные знамена пронесли”.*

В то время Глафира Лукинична не знала (да и не могла знать!), что в Карлаге отбывала свой срок и жена поэта Эдуарда Багрицкого - Лидия Густановна Багрицкая, 1896 года рождения, родившаяся в Одессе. Ее арестовали в Мос-

кве в 1937 году. Она жила в доме № 2 в квартире № 9 на проспекте МХАТа, работала портнихой. Арестовали ее “за контрреволюционную деятельность”. В личном деле за номером 153777 я прочитал, что особое совещание при НКВД СССР осудило ее 1 декабря 1937 года сроком на пять лет. Прибыла она в Карлаг 13 января 1938 года московским этапом. Отбывала свой срок на отделении Коктенкуль до 8 августа 1946 года, затем была переведена в Карабас.

Здесь, в темных бараках Карабаса, они встретились - жена известного полковника Блюхера и жена известного поэта Багрицкого. Одна - в черном поношенном платье, другая - в темной телогрейке, от которой пахло навозом и прелыми листьями осени. Их огрубевшие на ветру, опухшие красные руки с огромными венами скрестились в дружеском пожатии, когда они познакомились. И только здесь Глафира Лукинична Блюхер, которой исполнилось к тому времени тридцать лет, всю расплакалась... Это были слезы мужественной женщины. Она плакала не по своей исковерканной сталинизмом судьбе. Она опять вспомнила нежные объятия своего мужа, его трепетные слова признания в любви к ней.

В октябре 1946 года подруги по Карабасу были освобождены. Лидия Густаиовна Багрицкая вернулась в Москву. И тут она узнала, что ее девятнадцатилетний сын Всеволод добровольцем ушел на фронт и погиб, сражаясь с фашистами. В Кунцево, где жила семья Багрицких с 1925 по 1931 год, где прошло детство Всеволода, в Доме школьников один из стендов был посвящен сыну поэта. В 1958 году Лидия Густановна приезжала в Кунцево, заходила в дом, в маленькую квартиру, где они жили бедно, но счастливо. Со слезами на глазах стояла у фотоснимка сына в Доме школьников... Об этом сообщила в свое время кунцевская газета “Знамя Ильича”, которую я разыскал в библиотеке имени Ленина в Москве.

А что произошло с женой маршала Блюхера? Чтобы пролить свет на ее судьбу, я написал письмо сыну Блюхера - профессору, ректору Свердловского инженерно-педагогического института В.Б.Блюхеру. Ответа не получил. Может быть, нет уже в живых Глафиры Лукиничны? А, может быть, еще жива? Откликнется... Во всяком случае женщин-заклученных Карлага мы не вправе забывать. Это ведь их заботливыми руками выращивались в нашей

степи первые деревья и лесополосы, первые цветы и травы...

В Центральный Казахстан весна приходит неожиданно. С яблоневых веток падают тяжелые комья снега, деревья оживают, покрываются розовыми цветами. Начинается большой праздник наших душ. И хочется низко поклониться тем, кто потом и горькими слезами полил эту землю, давая жизнь ее нервным садам, выращенным за колючей проволокой Карлага.

Глава II

«Милости судьбы»

Есть такая пословица: "Человек живет телом на земле, духом на небесах". Каково же было писателям, журналистам, деятелям искусства во времена Сталина? Припеваючи? Горемычно?

Мне отзвенело одиннадцать лет, а я уже писал в газеты, печатался. И, конечно, страстно мечтал стать настоящим писателем или журналистом. Когда наш сосед по квартире, военный врач Иосиф Левин узнал об этом, то сказал мне:

- Ну и будешь ты голь голью... А если не то и не так напишешь - угодишь в Магадан... Лучше бы учиться тебе на стоматолога, и при деле, и при деньгах... И подальше от грязной политики.

Это было в 1951 году. Сталин и Берия еще здоровствовали. Журналисты "Львовской правды", которым я носил свои первые заметки, корреспонденции, а то и статьи, вроде бы на жизнь свою не жаловались. Крепко меня поддерживала Мария Кедрова, приехавшая из Алматы во Львов со своим супругом Юрием Гариным. Она узнала, что я родился в селе Каскелен Алма-атинской области, и прониклась ко мне симпатией. Земляк все-таки! И где? Во Львове!

Помню до сих пор ее наставления:

- Журналист живет головою, кормится только своим трудом. Добывать пропитание себе нам нелегко, но ты, Валерий, не вешай носа. Придут, скоро придут новые времена - наша профессия станет престижной.

Об этом же мне говорила журналистка Ангелина Булычева, которая писала, кроме статей, стихи, и даже побольшие документальные книги.

- Кто живет в журналистике разгульно, беснотно, тот ничего не добьется, - втолковывала она мне. - Жить только для себя негоже. Надо быть всегда с людьми, не о себе - о них больше писать, об их судьбе тревожиться...

Сейчас, когда я пласт за пластом поднимаю в архивах страницы жизни журналистов, писателей того времени, мне становится не по себе. Все они пребывали в великой нужде, страхе невероятном. Им надо было иметь великое мужество, чтобы нести свой праведный крест в то черное время, оставаться оптимистами. Многого они сами не знали, хотя слухи об арестах известных их коллег доходили до Львова.

Я часто ходил в украинском городе по проспекту Первомайскому, там стояли витрины со свежими номерами центральных, республиканских и областных газет. Читал я тогда и всесоюзную газету "Известия". Она мне, прямо скажу, не нравилась, ибо была забита сплошь официозом. Живого слова не найдешь!

Почему? Теперь-то понимаю: да и не могло быть иначе! Газета находилась под жесточайшим контролем лично Сталина, его подручных.

Уже в более зрелые годы, немало поездив по миру, в Караганде в архивах я обнаружил, что в Карлаге долгое время отбывал свой срок редактор газеты "Известия" Иван Михайлович Гронский. За что же его наказали? В карточке политзаключенного прочитал, что его действия попали под статью 58 пункты 1-А, 7, 8 и даже № 11 - измена, вредительство, террор, участие в антисоветской агитации. Присутствуя на заседаниях Политбюро, И.М.Гронский якобы замыслил идти против его решений, организовал законспирированный нравотроцкистский центр, вербовал в него Молотова, Калинина, Ворошилова, Микояна. Берия хотел тогда укрепить свою власть, убрать со своего пути соперников на будущий трон владыки после кончины Сталина. Но Хозяин запретил ему трогать членов Политбюро, пострадал только Иван Михайлович Гронский, как говорится, ни за что - ни про что.

Когда я окончил Львовский университет, факультет журналистики, немного поработав в редакции газеты "Львовская правда", решил поехать в Приморский край, чтобы "увидеть весь мир". Сманили меня во Владивосток мои сокурс-

ники - Вадим Полтораки и Светлана Волошина. Мы очень дружили. С Вадимом я работал в редакции приморской газеты "Красное знамя", он вел вопросы культуры, литературы, искусства, я - промышленности и морского транспорта. Светлана трудилась редактором на краевом телевидении.

И вот однажды Вадим прибежал в мой отдел и захлопал в ладоши:

- Приезжает Булат Окуджава, а вместе с ним Роберт Рождественский. Пойдешь на их "концерт"?

Так я впервые увидел Вулата Окуджава, услышал его песни. Сидящий рядом с нами военный моряк - офицер неожиданно шепнул мне:

- Говорят, что Булат работает на КГБ, вы не верьте его песням, он - двойной человек...

Я взял и написал записку Окуджава: "Правда ли, что вы работаете на КГБ?" И подписал: "Журналист". Булат Окуджава прочитал эту записку и ответил со сцены:

- Я не знаю, кто написал этот вопрос. Но такие "грязные слухи" обо мне вроде бы ходят. Как я могу работать на КГБ, если мой дядя Михаил Окуджава был расстрелян по указанию Берии? В годы сталинизма пострадали все мои родственники, даже мама...

Слезы навернулись на глаза барда-поэта, и я очень пожалел, что послал ему эту проклятую записку. Но Окуджава взял себя в руки и уже твердым голосом сказал:

- Все равно я благодарен журналисту, который задал этот вопрос. Люди должны знать правду.

Тогда я послал ему вторую записку: "Мы Вас очень любим".

Он прочитал ее и громко сказал слушателям:

- Я вас тоже очень люблю!

Присутствовавшие в зале зааплодировали, все встали...

Слава Вулата Окуджава росла, а вместе с ней любовь людей к нему. И довольно часто в его песнях проскальзывала лагерная тема:

*Это наши маленькие
 праздники,
Наш служебный праведный
 уют.
Несмотря на то, что мы
 проказники,
Нам покуда сроков не дают.*

В одном из последних сборников Булата Окуджавы "Милости судьбы" есть стихи, которые он посвятил своей маме:

*Так качаюсь на самом краю
И на свечу несгоревшую дую...
Скоро увижу маму мою,
Стройную, гордую, молодую.*

Да, мама Булата Окуджавы тоже отбывала свой срок в Карлаге как враг народа. И он очень страдал из-за этого.

Вместе с матерью Булата Окуджавы, как я выяснил в архиве, отбывали свой срок в Карлаге родственники замечательного поэта - Эстатий Иванович Окуджава и Михаил Ионович Окуджава. Эстатий Иванович был осужден 31 декабря 1937 года тройкой НКВД Грузинской ССР по статье 58 пункт 1,11. За что? Заимался индивидуальным хозяйством, был меньшевиком. Арестовали его в возрасте 63 лет, дали десять лет. Доставлен был в Карлаг тбилиским этапом.

Работал Эстатий в лесхозе в Чечекарском районе. Был вдовцом. В Грузии оставил без средств к существованию сыновей - Гиви четырнадцати лет и Кукурию двенадцати лет.

Отбывал свой срок Эстатий Иванович в лагерных отделениях Карабасе, Бурме, Просторнеиском, Спасске.

Второй родственник поэта - Михаил Ионович Окуджава был осужден 10 января 1945 года за то, что якобы хотел организовать покушение на самого Сталина. Для этого купил, как написано в карточке политзаключенного, "оружие заводского производства". Отбывал срок Михаил Ионович в лагерном отделении Карабасе, затем его направили в Севвостоклаг. А было ему всего 23 года, когда он был арестован.

Короче говоря, ночи все родственники брата отца поэта Шалвы Михаила пострадали в годы сталинизма. Ибо М.Окуджава понал "в группу врагов народа", которую якобы возглавлял видный иартийный деятель Закавказья Буду Мдивани - ярый ненавистник режима Сталина. Он досаждал великому кормчему еще при жизни Ленина. И стал "уклонистом, продавшимся заклятым врагам Советской власти". Мдивани и его антисталинская группа предстали перед тройкой НКВД 9 июля 1937 года. В книге "Берия: конец карьеры" (Политиздат, 1991 год) писатель А.Антонов-Овсеенко рассказывает, что Буду Мдивани вел себя перед тройкой НКВД мужественно.

- Зачем Сталину понадобилась эта комедия? - спрашивал он палачей. - Смертный приговор мне давно вынесен, это я знаю точно, а вы здесь задаете мне пустые вопросы, как будто мои ответы могут что-то изменить...

Лицедей за судейским столом пытались остановить Мдивани, но он продолжал:

- Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привел сюда XI армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берии, этим выродкам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина!

Председатель сделал знак конвоирам, "преступника" скрутили и увели.

Далее А. Антонов-Овсеенко пишет: "... Увозили на казнь шестерых смертников со связанными руками. На окраине Тбилиси водитель остановил машину, приговоренных высадили, подвели к свежевырытой яме. Возле стояли два грузовика с негашеной известью и цистерна с водой. Старший конвоир подошел к Мдивани с пистолетом в руке.

- Послушай, ты расстреляешь меня потом, последним.

- Зачем тебе это? - удивился палач.

- Я хочу подбодрить товарищей...

- Ах так!

Он выстрелил прямо в грудь, в сердце, и подошел к следующему. Когда палач кончал шестого, он услышал за спиной легкий стон, обернулся. Мдивани был еще жив! Палач подошел к распростертому на земле телу, пальцы рук шевелились. Он достал патроны, зарядил пистолет и добил жертву несколькими выстрелами. Трупы сбросили в яму, засыпали известью, залили водой. Среди казненных в тот ранний час был Михаил Окуджава. Брат его, Шалва, - отец замечательного поэта".

Вот почему Булат Окуджава во времена перестройки был членом Комиссии по помилованию при Президенте России. И многое, очень многое сделал для восстановления имен замученных в Карлаге и других сталинских лагерях смерти людей. А возглавлял эту комиссию известный прозаик Анатолий Приставкин. Ему Булат Окуджава посвятил свои стихи:

*Насколько мудрее законы,
чем мы, брат, с тобою!*

*Настолько, насколько
прекраснее солнце,
чем тьма.*

*Лишь только начнешь
размышлять над своею
судьбою,*

*Как тотчас в башке -
То печаль, то сума,
То тюрьма.*

*И далее финальные строки:
... Конечно, когда-нибудь
будет конец этой драме,
А ныне все то же,
Что нам не понятно*

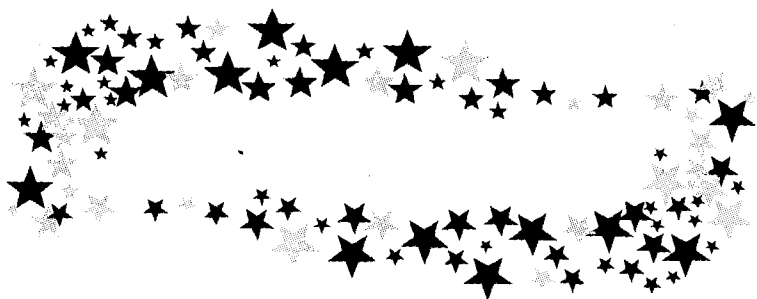
самим...

*Насколько прекрасней
портрет наш в ореховой раме,
Чем мы, брат, с тобою,
лежащие в прахе
перед ним!*

(Реклингхаузен, январь 1993 г.)

Сейчас в комнате, где заседала Комиссия по помилованию при Президенте России, на огромном столе, там, где писал Булат Окуджава, - вклеен его портрет. Анатолий Приставкин в романе "Долина смертной тени" (журнал "Дружба народов", № 11-12 1999 год) по этому поводу написал: "Туда никто и никогда не садится, это место навсегда его. И когда у нас совершаются по традиции "маленькие праздники", мы ставим ему рюмку водки и кладем кусочек черного хлеба".

Глава III

«Как у поэта сложено...»

Когда в архиве Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области я обнаружил карточку политического заключенного Степлага Александра Солженицына, то сразу сообщил об этом в редакцию газеты "Казахстанская правда". А чуть позже послал материал на эту тему в "Труд". Он был сразу опубликован в российской газете (13 января 1998 года) под заголовком "Человек под номером".

Почему редакцию заинтересовал мой материал? Конечно, во-первых, потому что был найден новый документ о пребывании в Карлаге известного писателя. А, во-вторых, что, видимо, значимее, карточка политзэка Александра Солженицына, рожденного в 1918 году в городе Кисловодске Ставропольского края, раскрывала некоторые новые факты о лагерной и ссыльной жизни в Казахстане ныне знаменитого русского писателя, лауреата Нобелевской премии. Конечно, часть из них была известна широкому кругу читателей по произведениям самого Александра Исаевича. Тем не менее новая находка представлялась весьма любопытной редакции.

Скажу откровенно: мне самому было интересно читать новый документ. И не написать о нем я не мог, ибо с большим почтением отношусь к писателю Александру Солженицыну, его таланту.

У меня дома на книжной полке хранится семитомник писателя, и я помногу раз перечитываю его. Какая глыба знаний, переживаний, глубокого проникновения в жизнь

зэков! Такие книги мог написать только человек, который сам прошел сквозь ад сталинизма. Как раз новый документ, найденный в архиве, и рассказывал мне об этом.

Из него я узнал, что капитан Александр Солженицын, кавалер двух боевых орденов, был арестован 9 февраля 1945 года, когда война шла к концу. В карточке политзаключенного значилось, что Солженицын осужден "Особым совещанием" НКВД СССР 7 июля 1945 года сроком на 8 лет. Ему были вменены "антисоветская агитация и попытка создать антисоветскую организацию". Начались его скитания по тюрьмам и ссылкам ГУЛАГа...

В Караганду Александр Исаевич был доставлен 8 августа 1950 года из Бутырской тюрьмы. В тот же день его определяют в 9-е лагерное отделение Степлага МВД СССР. Согласно инструкциям, на новичка заводится карточка. В ней фиксируется все. Образование - высшее, специальность - "преподаватель-математик". Окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, а в 1941 году - физмат Ростовского университета имени В.М.Молотова.

Из Караганды Солженицына направляют в Экибастузский особлаг. Позже Александр Исаевич в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ" напишет: "Это откровенная душегубка, но, в традиции ГУЛАГа, растянутая во времени - чтоб обреченным мучиться дольше и перед смертью еще поработать".

В Экибастузском лагере Солженицын работал каменщиком, строил тюрьму. По этому поводу он написал такие стихи:

*Вот я - каменщик.
 Как у поэта сложено,
Я из камня дикого кладу
 тюрьму.
Но вокруг не город. Зона.
 Огорожено.
В чистом небе коршун реет
 настороженно.
Ветер по степи! И нет в степи
 прохожего,
Чтоб спросить меня: кладу -
 кому?*

Здесь заключенные выбрали Солженицына своим бригадиром - по тем временам редкий случай. А все дело в

том, что Александр Исаевич тепло относился к людям, поддерживал их сердечными словами. В своей книге он вспоминает о товарищах-зэках по бригаде - Володе Гершуни, Иване Спасском, Анатолии Силине, венгре Яноше Рожаше... Надо сказать, Янош взялся за изучение русского языка не без влияния Солженицына - тот дал ему Толковый словарь Даля. Затем последовало приобщение к книгам Льва Толстого, Гоголя, Грибоедова, Лермонтова. Янош Рожаш станет писателем, автором книги "Горькая молодость". Он пришлет Солженицыну из маленького венгерского городка Надьканиж письмо, в котором будет сказано: "Ты не угадаешь, как я тоскую безгласно о многом. Ведь девять лет моей судьбы совпало с вашими. Прошу вполголоса: "Вот мчится тройка удалая" - и так больно становится, что дальше петь нет сил".

Из карточки политзаключенного можно узнать, что Солженицын пробыл в Степлаге до конца определенного ему "особым совещанием" срока, то есть до 9 февраля 1953 года. Он назовет Степлаг "особым лагерем уничтожения". Солженицын вспоминает, что здесь по отношению к провинившимся применялись никелированные наручники, массовый выпуск которых был налажен в Советском Союзе к 35-летию Октябрьской революции. "Секрет" тюремной "игрушки" состоял в том, что в наручники была вделана металлическая пластинка с зубчиками, они впивались в тело, вызывая острую боль. Степлаг уничтожал не только физически. Здесь фамилию заключенного заменяли цифрой. Вновь поступающему надевали на шею веревку с дощечкой, на которой значился его номер. В карточке политзаключенного Солженицына есть фотография, которую невозможно рассматривать спокойно. Писатель изображен с дощечкой под номером.

В феврале 1953 года Солженицын был направлен в ссылку в Сталинский район Джамбулской области. Навечно. "За восемь лет тюрем и лагерей не слышал я слова доброго о ссылке ни от кого, побывавшего в ней", - вспоминает он.

Под гласным надзором писатель хлебнул в ссылке немало горя. Долго не мог устроиться в школу учителем, жил в скверных условиях почти разбитой избы, болел... Но началась хрущевская "оттепель". "Вечная ссылка", слава Богу, закончилась. В феврале 1957-го писатель был реабилитирован.

Это было время больших ожиданий и надежд, и оживала пресеа, литература. В тот 1957 год я окончил среднюю школу и поступил на факультет журналистики Львовского государственного университета имени Ивана Франко. Где-то в 1960 году я написал стихи:

*В жизнь вступаю, предполагаю, -
Ходит с любовью рядом беда.
Я этот мир не отвергаю,
Всем я желаю только добра.
Может быть, встречу айсберги тяжкие,
Ветер постылый, колющий венец.
Что ж! Наши деды видели страшные
Годы, где лился смертельный свинец.
Годы, где правили власти "великие",
Где всех давила тюрем рука.
О! Ты, житуха, была сероликая,
Да и сейчас ты отнюдь не легка.
Но поднимаются други отличные.
Свет пробивают сквозь Сталина гниль.
Все потянулись опять к заграничному,
Робы, фуфайки сдавая в утиль.
Пали судилища Берии черные.
Нас омывает свободы роса.
Харкают кровью политзаключенные,
Но и они уж глядят в небеса.*

Я привожу эти стихи специально, ибо, мне думается, в них хорошо передается атмосфера тех дней. И в 1963 году моя мама принесла домой журнал "Новый мир", в котором был опубликован "Один день Ивана Денисовича" малоизвестного тогда писателя Александра Солженицына. Я прочитал эту повесть, как говорится, на одном дыхании, и она покорила меня жесткой суровой нравдой. Я сразу почувствовал: на российском литературном небосклоне засияла самобытная звезда огромной величины.

О Солженицыне заговорили. В редакции "Львовской правды", где я в то время уже работал литсотрудником, кое-кто называл его "вольподумцем".

- Солженицын посильнее Василия Аксенова, - говорила мне журналистка, поэт Ангелина Булычева. - У Аксенова очень многое идет от выдумки, а у Александра Исаевича каждая строка от жизни.

К сожалению, тогда никто еще не знал горькую биографию Солженицына. Как раз в тот год во Львов к своей матери приехал Василий Аксенов, и на первом этаже издательства в конференц-зале состоялась встреча с ним. Помню, его сгносили:

- Встречались ли вы с Солженицыным, откуда взялся в литературе новый Лев Толстой?

Аксенов немного замешкался, затем, подумав, ответил:

- Я не знаю Солженицына. Но в "Учительской газете" вчера опубликован очерк о нем "Учитель с улицы Революции". Он не московский писатель, а рязанский. Живет на родине Есенина, преподает там в средней школе физику, кстати, в этой школе в свое время учился Константинопольский, он написал в "Известиях" похвальную рецензию на повесть Солженицына.

После встречи с Аксеновым я сразу бросился к газетным киоскам, нашел-таки "Учительскую газету", сразу прочитал очерк Игоря Кашкадамова. Да, Александр Исаевич преподавал в старших классах во второй одиннадцатилетней школе города Рязани. Из очерка я узнал о большой скромности и великом трудолюбии Учителя, о любви к нему его учеников и соратников-преподавателей. Читал в школе Александр Исаевич и астрономию, вел фотокружок для школьников. Был заядлым туристом. Велосипед для него — добрый помощник в путешествиях по пыльным дорогам Рязанщины.

Но как-то мимоходом, даже стыдливо в очерке было сказано, что во время Отечественной войны в Восточной Пруссии капитан Советской Армии Солженицын был арестован, отбывал свой срок в Казахстане. За что его арестовали, журналист не сообщал. И затем допустил большую неточность, написав фразу: "Три года в Казахстане, потом полная реабилитация". Не три года, как мы теперь знаем, а целых восемь лет в карлаговских лагерях смерти отсидел Александр Исаевич, а затем три года находился в ссылке в Джамбулской области.

Конечно, не написал журналист и о том, как попал в Рязань Солженицын. А ведь Александр Исаевич, выйдя из мест заточения, поехал сразу в Ростов-на-Дону, где долгие годы учился, жил. Здесь он повстречался с другом юности Эмилием Мазиным, хотел вернуться в свой родной дом. Но Эмиль с печалью в голосе сказал Александру Исаевичу, что его дом по Пушкинской был в годы войны

разрушен, долго еще стояла одна стена, на которой висела географическая карта времен гражданской войны в Испании с воткнутыми Сашей вдоль линии фронта флажками...

В 1957 году этого дома на Пушкинской уже не было, его снесли бульдозеры.

Откуда я все это узнал? С 1969 по 1979 (целых десять лет) я проработал в Ростове-на-Дону в областной газете "Молот". Очень дружил с ростовскими писателями, три года был заведующим отделом культуры и литературы этой газеты. В то время Александр Исаевич уже трудился над книгой "Архипелаг Гулаг", за которую вновь попал в аналу, в немилость к партийным властям. В августе 1973 года рукопись арестовали елужаки госбезопасности (к счастью, черновой вариант), и это подтолкнуло Солженицына на публикацию своего нового произведения на Западе, а более точно — в Париже, в издательстве "Имка-пресс". Вскоре за этот "мерзкий поступок" и "клевету на советскую действительность" автор был выслан из СССР.

Начались новые скитания Александра Исаевича, теперь уже за рубежом. О нем запретили писать в газетах и журналах в положительном плане, его имя поносили новоявленные писаки.

В то время я встречался с ростовским краеведом И. Гегузиным в областной библиотеке. И он мне как-то сказал, что несмотря ни на что продолжает свой творческий поиск о жизни Солженицына в Ростове-на-Дону. Именно в тот день и присутствовал в Доме политпроса на встрече с ответственными работниками ЦК КПСС (к сожалению, фамилии этих чиновников забыл), и они в один голос чернили Солженицына, опять называя его "врагом советского народа", "идеологическим противником". Это было отвратительно слушать! В обкоме партии мне предложили написать материалы об этой встрече в местную печать и в журнал ЦК КПСС «Партийная жизнь». Я отказался.

На следующий день редактор газеты "Молот" Николай Семенюта вызвал меня и сказал:

- Отныне ты не заведующий отделом культуры и литературы, да и вообще с газетной жизнью можешь распрощаться.

И все же меня милостливо простили, послав "временно" разъездным корреспондентом по Верхнему Дону в Миллерово. Около восьми месяцев я жил там в рабочем

общежитии, ожидая новых ударов судьбы. В конце концов меня вернули в редакцию литсотрудником, однако писать по вопросам литературы в газете запретили. Оказалось, защитили меня старейший журналист Ростова, член редколлегии “Молота” Евгений Прокофьевич Попов и собкор журнала “Огонек” по югу России, писатель Михаил Андреевич Андриасов.

Они носоветовали мне выступать на литературные темы в журнале “Дон”, что я и делал охотно.

В тот памятный мне день, когда высокопоставленные чиновники из ЦК КПСС во всю громили Солженицына за “Архипелаг Гулаг” (сами-то они читали его? Ведь книга не была издана в СССР, ее нельзя было нигде достать, запрещено!), Гегузин и поведал мне, что после реабилитации Солженицын не смог прописаться в Ростове-на-Дону, найти себе работу учителя в какой-нибудь из школ. Его не взяли даже на кирпичный завод, в СУ каменщиком. И это в хрущевскую оттепель!

И Александр Исаевич вынужден был уехать из Ростова-на-Дону, работав учителем во Владимире, а затем в Рязани. Безусловно, Солженицына, прошедшего свои лучшие годы жизни в Ростове, тянуло на Дон, в родные пенаты. И он много раз приезжал сюда, общался с друзьями юности Эмилием Мазиным, Николаем Виткевичем, тоже незаконно репрессированным в годы войны. Он переписывался с ними. И эти письма достал Гегузин. Ясное дело, в то время ростовский краевед не мог опубликовать их. И только после возвращения Солженицына в Россию он напечатал их в газете “Молот” в своей статье “Жизнь моя очень сложная.” Этот материал мне прислала в Караганду из Ростова дочь Елена, которая знала о моей привязанности и любви к Солженицыну.

Сейчас нет смысла воспроизводить эти письма Александра Исаевича, ведь они опубликованы. Скажу одно: дружеские послания Солженицына, напечатанные в полном объеме, сказали моему сердцу о многом – прежде всего о друголюбии Александра Исаевича, его щедрой душе, открытой для друзей юности, его способности ценить и понимать простых людей, далеких от литературы, но тянувшихся к нему, как к исцеляющему всех магниту. Крупный писатель – и ни тени зазнайства, отчуждения от тех, кто знал и понимал его, и любил его.

Несколько раз мне довелось бывать на родине Солже-

ницына – в Кисловодске. В 1980 году от местных краеведов я впервые узнал, что дом, в котором родился писатель, тоже не сохранился, его снесли в шестидесятых годах. Да и улицу Пушкина почему-то переименовали – в Богдана Хмельницкого /непонятно, почему, зачем это делать властям, что им больше нечем заняться?/. Среди имен знаменитых людей Кавказских Минеральных Вод в местном музее, конечно же, не было имени Солженицына.

По приглашению одной из школ Пятигорска я выступил со своими стихами перед старшеклассниками. Учителя русской литературы мне подарили на память об этой встрече прекрасно изданную книгу местных краеведов Евгении Польской и Бориса Розенфельда “И звезда с звездой говорит”... - о знаменитых людях, которые родились, жили или отдыхали на Кавказе. И опять знатоки литературного краеведения обошли Солженицына, о нем в книге ни слова. Вполне понятно, под обложку одного, хоть и внушительного издания, всех талантливых людей при всем желании не вместить, но для звезды первой величины мировой литературы А.И. Солженицына можно было найти хоть несколько страниц.

Изучая жизнь и творчество Александра Исаевича, я обратил внимание на одну деталь. Родился он на улице Пушкина в Кисловодске, жил в Ростове-на-Дону на Пушкинской, считаю, самой красивой улице в этом городе. Часто Александр Исаевич любил цитировать стихи Пушкина на своих уроках в школах. Он первым в СССР открыл нам лагерную тему, показав в книгах всю мощь русского языка, заметно обогатив его. И, думаю, подобно Пушкину, он мог бы сказать о себе:

*“Нет, весь я не умру-душа в заветной лире
Мой прах переживет, и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.”*

Так ведь оно уже сейчас и происходит. Голос Солженицына переплетается с голосами крупных русских писателей разных поколений, которые утверждали в своих книгах правду жизни. Речь его глубоко народна, слово от Иисуса Христа, принесшего себя в жертву людям.

Как-то я написал стихи “Русская речь”, которые посвятил А.И. Солженицыну.

Будет беречь нас Бог, беречь.
Помните только русскую речь.
Мамина память, прадедов степь
Ей не дадут умереть.
Подвиги, славу, большие дела
Русская речь, как могла, сберегла.
С нею спаять навсегда нам дано
Битву полтавскую, Бородино.
Крестное имя Москва, Сталинград —
Проповедь высшая, рай через ад.
Плавная, бойкая, гордая речь
Будет врага неразумного сечь.
Жизнь ее вечная, вся-впереди,
Всех она сдружит, словом сроднит.
Книги российские, Пушкина речь
Даже кострам инквизиций не сжечь.
Помыслы чистые, будто родник,
Людям несет наш великий язык!

Чистые помыслы, правду жизни несет людям Александр
Исаевич Солженицын. Его звезда никогда не погаснет.

Глава IV

За решеткой - женские глаза

Страшны и трагичны страницы Карлага. Ранее неизвестные факты глумления слуг Сталина и Берии над людьми за колючей проволокой все больше и больше становятся достоянием нашей общественности.

Я довольно часто беседую по телефону, встречаюсь с полковником Виктором Васильевичем Горецким, который возглавляет Центр правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской области.

В последнее время этот коллектив взялся за поиск свидетельств о сыновьях и дочерях политосужденных родителей. В Карлаге, как известно, отбывали свой срок не только взрослые, но и дети "врагов народа". Причем, многие из них были рождены в лагерных застенках. С момента рождения, без вины виноватые, они уже были приговорены сталинским режимом к тягостным лишениям, холоду и голоду.

Как утверждают документы, в 1939 году в лагере было более 450 малолеток, за один только год их умерло 114. А далее - еще более печальная статистика. В домах младенцев, детских домах Карлага в 1941-1944 годах умерло 924 детей, а в 1950-1952 годах - 1130.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, в каких ужасных условиях содержались дети Карлага или, как их еще называли, "дети НКВД". Полуголодные, с костля-

выми руками, синими губами, они, никому не нужные, ползали на четвереньках на цементном полу и звали тетью надзирательниц, чтобы те дали им кипяточку и кусочек хлеба. Грубое обращение с "детьми НКВД" было нормой поведения многих работников Карлага. Александр Исеевич Солженицын в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ" устами Юры Ермолова говорил: "Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы были молчаливыми и послушными. Часть пайка малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей..."

В газетах того времени часто помещали портреты Сталина с черноволосой девочкой на руках... Под ними, как правило, следовали слова: "Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!" А у всех ли оно было счастливым, безоблачным?

Нет, черные тучи сталинизма сгустились и над судьбами "малолеток". Пятнадцатилетний паренек Коля Булка был осужден только за то, что он в школе, резвясь с ребятами во время перемены, случайно порвал локтем портрет М.И.Калинина. В Карлаге его продержали пять лет как осужденного по статье 58.

Дочь бывшего второго секретаря Западно-Сибирского Крайкома партии В.П.Шубринова Маня была осуждена как член семьи изменника Родины. Она очень тосковала по своему отцу, верила, что он жив, часто смотрела сквозь решетку на пыльную степь, не придет ли ее папа, чтобы выволить ее из неволи. Но он не приходил. Она нашла кусок вишневого дерева, и гвоздем стала делать из него скульптурный портрет отца. Надзирательница вырвала у нее из рук деревянную скульптурку, сломала ее и выбросила в помойное ведро. Маня побежала за своей работой, надзирательница толкнула ее ногой в живот - девочка упала.

- Папа, родной! - обезумев от горя, плакала Маня, лежа на земле. Слезы текли по ее щекам... Ничего не видящими глазами смотрела она на сломанную фигурку отца. "Будьте вы прокляты, сталинисты!" Это не только Маня, - вся молодая Россия проклинала бериевских палачей.

Маня умерла в лагере в возрасте 16 лет от тоски по отцу, от издевательств надзирательниц. Умерла прямо в степи на уборке хлебов. Она лежала, широко раскинув руки. Будто обнимала своего отца, небо и звезды, и землю, и людей, которых она очень любила. Ведь Маня была весьма

талантливой - она умела рисовать, лепить, писать стихи. А любой талант рождается только из любви к людям, небесным высям и далеким звездам...

Тяжелая лагерная атмосфера угнетающе действовала на детей, на их мам. Бывший заключенный № 119715 Карлага НКВД, ветеран труда А.Берг на страницах местной областной газеты "Индустриальная Караганда" в номере от 4 мая 1989 года в материале "Остров в степи" писал, что бывший начальник Бидаикского отделения Николай Васильевич Кузнецов был хам, матерщинник и самодур. А.Берг продолжал далее: "Мы были наслышаны о нем (очень оперативно работало лагерное "радио"), и не столько о нем, сколько о его жене по фамилии Вундеркинд. Носила она мужской мундир: брюки галифе, хромовые сапоги, кубанку. Из Бидайка привела с собой серого жеребца - иноходца по кличке Бокс. Речь ее - лагерный жаргон и сплошная матерщина. Она была назначена начальником КВЧ - культурно-воспитательной части.

Воспитательная работа велась так: собирается в рейс центральный конный транспорт, возчики - женщины. Она подъезжает к ним и орет во весь голос: "Эй вы, б...! Слушайте меня! Если в пути встретите мужиков и устроите "шуры-муры" (здесь у нее применялось другое выражение), то я вас посажу в карцер и сгною!" Такое вот напутствие. А потом махнет плеткой: "Езжайте к такой-то матери!"

В Карлаге было очень много детишек, подростков, приговоренных к трем, пяти, восьми и даже десяти годам общих лагерей! Судили их за горсть зерна, взятого с колхозного тока, за карман картошки, выкопанной с совхозного поля! Очень многих судили за побег из школ ФЗО.

В Карлаге был такой случай. В Караганде отбывала свой срок как ЧСИР Агнесса Ивановна Вишневская. Она окончила учкомбинат в Долинке и ее назначили заведующей фермой в Каражарском отделении. Где-то на свободе осталась ее дочь. Агнесса Ивановна назвала ее Катюшей в честь замечательной песни поэта Михаила Исаковского и композитора Матвея Блантера. Когда доярки начинали петь: "Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой...", Вишневская просто не находила себе места, убегала из барака, пряталась в пахучем стогу сена, чтобы никто не видел ее слез.

А дочь Вишневской Катюша в это время находилась в

Саратове в ФЗО. Ей было 14 лет, когда она совершила побег из школы. Катюша узнала от подруг, что в Казахстане находится большой лагерь для женщин. Может быть, там сидит и ее мама? Как бы там ни было, "зайцем" на иезде она добралась до Караганды, а там ей подсказали, что много женщин-зэчек находится в Каражаре.

И Катя пошла по степи босоногая, держа в руках равные тапочки, в сторону Каражара. Кусты караганников, колючки пырея царапали ей ноги, а она все шла и шла... Спала в юртах, гостеприимные казахи указывали ей, куда идти дальше, ноили кумысом, давали свежееиспеченные зерна пшеницы на дорогу...

Пришла она на одну ферму, только хотела у доярок парного молока попросить, как навстречу ей кинулась женщина, она даже лица ее рассмотреть не успела. Кинулась ей навстречу, целует в губы, щеки, лоб, а сама горькими слезами обливается:

- Катюша, родная моя!

Узнала она голос родной матери, ее пышные, темные, как августовская ночь, волосы, большие черные глаза, загорелые руки, забилась в ее объятьях, притихла от долгожданного счастья...

"Вкатали" Катюше шесть месяцев за побег из школы ФЗО, но с матерью оставили. Так и трудились они вдвоем: Агнесса Ивановна Вишневецкая заведующей фермой, а ее дочь - подменной дояркой.

В пятидесятых годах был издан Указ правительства СССР "Об освобождении от наказания осужденных женщин при беременности и женщин, имеющих малолетних детей". Агнессу Ивановну Вишневецкую и ее дочь Катюшу тоже реабилитировали и освободили. Где они теперь? Видимо, уехали в Винницу, откуда была родом семья Вишневецких. Кто знает...

Как-то в Ростове-на-Дону я брал интервью у Михаила Александровича Шолохова, спросил его:

- Вы написали замечательный рассказ "Судьба человека". Какой рассказ вы взяли бы теперь написать?

Немного подумав, Михаил Александрович ответил мне:

- Если бы у меня хватило сил, я написал бы рассказ "Судьба женщины". О женщинах наших мы, братья, совсем забывать стали...

Судьба женщин Карлага... Я сижу в архиве, выписываю все новые имена, и волосы встают у меня дыбом на

голове... Разве мог я знать прежде, что в Карлаге отбывала свой срок заслуженная артистка РСФСР Лидия Андреевна Русланова? "Валенки, валенки, не подшиты стареньки", - будто снова услышал ее голос.

В ее личном деле № 1762 подшито обвинительное заключение: "Имеючимися в МГБ материалами установлено, что Крюкова-Русланова, будучи связана общностью антисоветских взглядов с лицами, враждебными к Советской власти, ведет вместе с ними подрывную работу против партии и правительства..."

Ей дают десять лет исправительно-трудового лагеря. Вначале она отбывает срок в Тайшете Иркутской области, затем ее отправляют в Стенлаг. Здесь Лидию Андреевну сразу определяют в культурно-воспитательную часть, хоровой и музыкальный кружок. Где же еще ей быть? Ведь невица да еще какая! Руслановой сразу предлагают дать концерт для эзков Жезказгана. Но Лидия Андреевна резко отказалась: "Соловей в клетке не поет".

За непокладистый характер, нежелание "неть для народа" начальство Карлага выходит с ходатайством в вышестоящие органы о замене десяти лет ИТЛ Руслановой на тюремное заключение (полную изоляцию). И ее переводят во Владимирскую тюрьму, от глаз людей подальше. Только через пять лет пребывания в лагерях и тюрьме, после смерти Сталина, а более точно - 4 августа 1953 года она была освобождена. И вновь зазвучали ее песни с эстрадных, театральных сцен. Пела она и по радио. В ее исполнении я как-то услышал по радиоприемнику новый вариант знаменитой песни "Синий платочек":

*Ты уезжаешь далеко.
Вот беспощадный звонок.
И у вагона
Ночью бессонной
Ты уже странно далек.
Ночной порой
Мы попрощались с тобой.
Пиши, мой дружочек,
Хоть несколько строчек,
Милый, хороший, родной.*

В Карлаге была замучена жена известного деятеля Московской партийной организации М.Н.Рютина Евдокия

Михайловна. Здесь в Карлаге был расстрелян ее сын Василий Рютин. Как известно, Мартемьян Никитич Рютин в историю вошел как честный человек, впервые назвавший Сталина "злым гением русской революции". М.Н.Рютину не было и 50 лет, когда его расстреляли по личному распоряжению Сталина. По одной версии - в 1937 году, но другой - в 1938.

Он был реабилитирован только в июле 1988 года. Этому в немалой мере способствовала его дочь Люба. Ее исключили из комсомола, но не арестовали. Арестовали к декабрю 1937 года ее отца Мартемьяна Никитича, маму, братьев Василия и Виссариона. Никто из них живым не вернулся.

До середины пятидесятых годов дочь М.Н.Рютина Любовь Мартемьяновна жила в Караганде, надеясь на встречу с мамой, братом Василием. Затем ей сказали в органах безопасности:

- Езжайте в Москву. Нечего вам тут делать. Все ваши живы, скоро их освободим.

Но это была ложь! Как только Люба вернулась в Москву, ее мать замучили до смерти в Карлаге. Старшего брата Василия, работавшего авиаинженктором у Туполева, расстреляли.

О последних днях младшего брата Виссариона, арестованного в 1935 году и расстрелянного в 1937 году, Любовь Рютин узнала после выхода июньского номера "Нового мира" за 1988 год. В одном из опубликованных в нем колымских рассказов Варлама Шаламова описан такой эпизод:

"...Умер Иоська Рютин. Он работал в паре со мной, а со мной "работяги" не хотели работать. А Иоська работал. Он был гораздо сильнее, ловчее меня. Но он понимал хорошо, зачем нас сюда привезли. И не обижался на меня, работавшего плохо. В конце концов старший смотритель (так и назывались горные чины в 1937 году - как в царское время) велел дать мне "одиночный замер" - что это такое, будет рассказано особо. А Иоська работал в паре с кем-то другим. Но места наши в бараке были рядом, и я сразу проснулся от неловкого движения кого-то кожаного, пахнущего бараном; этот кто-то, повернувшись ко мне спиной в узком проходе между нар, будил моего соседа:

- Рютин! Одевайся.

И Иоська стал торонливо одеваться, а пахнувший бара-

ном человек стал обыскивать его немногие вещи. Среди немногoго нашлись шахматы, и кожаный человек отложил их в сторону.

- Это - мои, - сказал торопливо Рютин. - Моя собственность. Я платил деньги.

- Ну и что же? - сказала овчина.

- Оставьте их.

Овчина захохотала. И когда устала от хохота и утерла кожаным рукавом лицо, выговорила:

- Тебе они больше не понадобятся..."

13 июня 1988 года Пленум Верховного Суда бывшего СССР носмертно реабилитировал Мартемьяна Никитича Рютина, а также всех членов его семьи.

Люба была красивой обаятельной женщиной, общительной, ее принимали в высших инстанциях охотно, обещали восстановить правду об отце, матери, братьях. По советам знающих людей она посылала жалобы в Верховный Суд СССР постоянно и настойчиво. И время Правды пришло. И не только потому, что Люба стучалась в двери власть придержащих, - уже менялся климат общества, отказавшегося от сталинщины, ветер демократии дул в паруса страны.

Очень многое сделала Люба для восстановления творческого наследия отца, его статей, очерков, ноззии. Живя в Караганде, она читала близким подругам его стихи "Старик-большевик", созданные еще в Иркутске в 1920 году, восхищалась его талантом. Огромное спасибо ей за любовь к отцу, ее преданность и веру в него!

Глава V

«Я не кабинетный членый, а каторжный»

Стрепетным волнением взял я в архиве карточку политзаключенного Льва Николаевича Гумилева, 1912 года рождения, родившегося в городе Пушкино Ленинградской области. Далее в карточке значилось: "Национальность - русский, образование - высшее, беспартийный, историк". Он был арестован 6 ноября 1949 года. 13 сентября 1950 года осужден Особым Совещанием при МГБ СССР по статьям 58-8, 58-20, часть 1, 58-11 сроком на десять лет. Отбывал меру наказания в третьем лагерном отделении Карлага с 23 ноября 1950 года, куда был направлен из Лефортовской тюрьмы МГБ СССР. 13 декабря 1950 года его переводят в десятое лагерное отделение Карлага, откуда убыл 3 сентября 1951 года для дальнейшего отбывания наказания в Камышлаг Омской области.

Что стоит за этими скупыми строчками? Кто он - Лев Николаевич Гумилев? В "Избранном" Анны Ахматовой (Москва, "Художественная литература", 1974 год) в предисловии "Коротко о себе" знаменитая поэтесса пишет: "Первого октября 1912 года родился мой единственный сын Лев". От кого? Ахматова отвечает: "В 1910 году я вышла замуж за Н.С.Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж". Там Гумилев издавал русский журнал "Сириус". И, конечно, в этом журнале появлялись стихи его любимой. Так, стихотворение Анны Ахматовой "На руке его много блестящих колец" было опубликовано во втором номере "Сириуса".

Ахматова и Гумилев прожили вместе восемь лет (1910-1918 годы). Как писал критик Э.Г.Герштейн: "Конечно, в стихах Гумилева не описывается повседневная семейная их жизнь в Царском Селе или Слепневе (имении матери Гумилева), но дана внутренняя сущность их взаимоотношений. Коротко ее можно определить словами из стихотворения "Это было не раз", где героиня названа "мой враждующий друг", а взаимоотношения с ней определены как "наша битва глухая и упорная".

В поздние годы в беседах с друзьями Ахматова часто высказывала мысль о том, что у каждого настоящего поэта свой мир. Согласившись с этим, мы поймем, что соединение под одной крышей двух таких самобытных и сильных поэтов, как Гумилев и Ахматова, не сулило мирного уюта".

И все же, все же... Тот же Э.Г.Герштейн в журнале "Новый мир" писал: "Видно, что оба собеседника хорошо понимали один другого. Товарищей по литературной борьбе, мужа и жену, двух поэтов, связывала глубокая дружба. Это ясно выражено в надписи Ахматовой на сборнике ее стихов "Белая стая", подаренном Гумилеву в год их развода: "Моему дорогому другу Н.Гумилеву с любовью Анна Ахматова. 10 июня 1918. Петербург".

Николай Гумилев отвечал ей такой же любовью. Однажды в Москве в букинистическом магазине на Сретенке я купил на свои студенческие копейки сборник Н.Гумилева "Жемчуга" (Стихи. 1907-1910 годы), изданный в книжном издательстве "Прометей" Н.Н.Михайлова в Санкт-Петербурге в 1918 году. В нем я не нашел стихов, прямо посвященных Ахматовой. Но сама Анна Андреевна, знаю из публикаций о ней, сделала на этом сборнике пометки стихов Гумилева, в которых без упоминания ее имени говорилось о ней.

*Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.*

*Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи - окрашены кровью.*

Несмотря на развод, их дружба продолжалась. Николай Гумилев регулярно писал Анне Ахматовой, всякий раз вспоминая своего сына Леву как нежно любящий отец. 13 апреля 1913 года он посылает письмо Анне Ахматовой из Одессы. Вот его текст: "Милая Апка, представь себе, с Одессы ни одного стихотворения. Готье не переводится вяло, дневник пишется лучше. Безумная зима сказывается, я отдыхаю как зверь. Никаких разговоров о литературе, о знакомых, море хорошее, прежнее. С нетверпением жду Африки. Учи Леву говорить и не скучай. Пиши мне, пусть я найду в Дире-Дауа много писем. И помечай их числами.

Горячо целую тебя и Леву...

Всегда твой
Коля."

Писем Анне Ахматовой он написал немало, и ночи каждое заканчивалось словами: "Целуй от меня Львеца", "Крепко целую тебя, маму и Леву", "Целую тебя и Левика". Особенно много писем он присылал с фронта. Они приходили с почтовым штемпелем - "Гвардейский запасной. Для пакетов". И опять в конце каждого письма: "Целую тебя, моя дорогая Аничка, а также маму, Леву и всех". В письме от 6 июля 1915 года, рассказывая о боях с неприятелем, "австрийцами, которые отвратительно стреляют", Гумилев опять пишет: "Целуй Львенка, я о нем часто вспоминаю и очень люблю".

Фотограф С. Городецкий сохранил снимок Анны Ахматовой с мужем Николаем Гумилевым в военной форме и с Георгиевским крестом на груди и сыном Львом, сделанный в 1915 году во время побывки фронтовика-солдата в Слепнево. Этот фотоснимок сейчас часто печатают в газетах. Но никто не объясняет, что Слепнево - это имение, часть которого принадлежала матери Николая Гумилева. Сюда, в дом свекрови, Анна Ахматова приезжала вместе с Гумилевым и одна. Ведь здесь у матери Николая Степановича рос и воспитывался ее сын Левушка.

Почему я так подробно останавливаюсь на том времени, когда в Слепнево проходили детские годы нового талантливого человека - Льва Гумилева? Потому что в детстве в человеке закладываются основы его дальнейшей жизни. И Лев Гумилев - сын талаитливых поэтов - конечно, знал в детстве и стихи своих родителей, и их стремление к вечному, прекрасному...

То были годы становления его личности. И ему как бы было определено самой судьбой стать великим. Ведь яблоко от яблони недалеко падает..

Его отец, поэт Николай Гумилев серьезно увлекался историей (об этом, к сожалению, мало пишут), он мечтал исследовать Африку, объединить все африканские племена, создать для них общий язык. На собственные средства он предпринял три путешествия в Африку. Мечтал побывать в Азии, на Дальнем Востоке... Обо всем этом он, конечно же, рассказывал сыну, призывал его больше читать книг о чужеземных странах, знать мировую литературу, языки западных и восточных стран. Его слова падали, как добрые зерна, в душу мальчика, давая всходы. Не зря Лев Николаевич, повзрослев, поступил учиться в Ленинградский университет на историка.

Ему было всего девять лет, когда его отца расстреляли как участника контрреволюционного заговора. Затем пало горе на его мать - ее и Зощенко исключили из Союза писателей СССР.

А в 1950 году сам Лев Николаевич попадает в опалу, его могла бы постичь участь отца, но он, пройдя сквозь ад сталинских лагерей, выжил, больше того - находясь в застенках органов так называемой безопасности, создал мировой шедевр - книгу "Древние тюрки". Она была начата еще 5 декабря 1935 года, затем писалась в суровых условиях Карлага, и была издана при жизни Льва Николаевича Гумилева. Несмотря на ужасы Карлага, унижения и оскорбления, он остался верен своей звезде. Сам Лев Николаевич Гумилев вспоминает о своей лагерной жизни так: "Четырнадцать лет просидел на каторге, так что я не кабинетный ученый, а каторжный. Некоторые ученые говорят, что работают как каторжники. Нет, простите, это не каторжный труд, а вольный. Они приходят домой, пьют чай, ездят гулять, а я был за колючей проволокой. А как работал? Думать надо. А иногда мог и писать. Когда начал работу о восточных гуннах, решил, чтобы у меня не отняла рукопись, обратиться к начальству. И начальство сказало: "Подумаем!" А так как думать оно не умело, то спросило более высокое начальство, и то сказало: "Гуннов - можно, стихи - нельзя!"

... Мне в лагерь прислали книжки - мама, мой покойный учитель Николай Васильевич Кюнер. Когда вышла книга переводов китайских хроник, где собраны сведения

о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, я их проштудировал и знал почти па память. Мама прислала книгу Киселева "Древняя история Южной Сибири", потом "Древнетюркские надписи", естественно, я их прочел по-русски и по-тюркски. Конспектировать у меня, конечно, возможности не было, но сидеть возле костра на закромке канавы, болтая ногами и разговаривая с казаками, татарами, узбеками, учить их язык, такая возможность была..."

Его мать - Анна Андреевна Ахматова, как могла, помогала сыну, поддерживала его морально и материально.

Известен такой факт. Как-то Ахматова стояла в длинной очереди к тюремному окошку, чтобы передать сыну теплые вещи и продукты. Какая-то женщина с синими губами спросила ее: "Говорят, Вы стихи пишете? А вот об этом Вы могли бы написать?"

Ахматова, не задумываясь, громко ответила:

- Напишу.

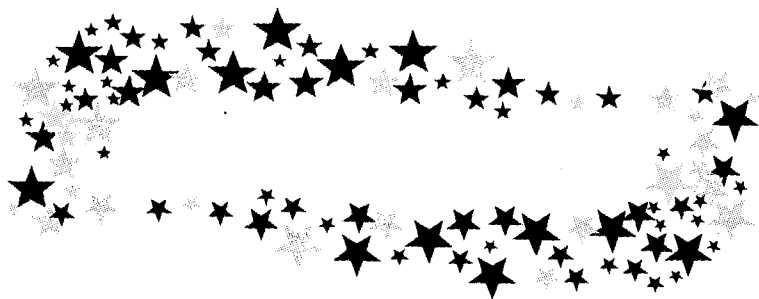
И она, действительно, написала стихи о своей боли, поруганной материнской любви к сыну, несправедливо осужденному в годы сталинизма.

*Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидилась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.*

* * *

*Легкие летят недели,
Что случилось не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели.
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.*

Затем был написан "Реквием". Долгие годы Анна Ахматова хранила эту поэму в памяти. Чтобы в стихах, полных

Глава VI

Улица Алимхана Ермекова

Н еоднократно я бываю в горном корпусе технического университета. Мало сейчас кто из студентов знает, что это великолепное здание было построено по инициативе бывшего ректора политеха Абылкаса Сагиновича Сагинова. Сил и нервов для этого понадобилось немало! Ему пришлось стучаться в двери высших эшелонов власти, в конце концов он нашел поддержку у тогдашнего Министра геологии СССР Е.А. Козловского. Видимо, сказалось то обстоятельство, что Министерство геологов располагалось в Краснопресненском районе Москвы, который шефствовал над Казахстаном. Во всяком случае Козловский проявлял неподдельный интерес к республике, долго рассиравивал, как в политехе в Караганде готовят специалистов для геологической службы, в частности, геофизиков. А когда узнал, что в институте все еще слаба материально-техническая база, то пообещал помочь Сагинову в его начинании.

Как раз при содействии Мингеологии и был возведен в короткие сроки горный корпус, а также 70-квартирный жилой дом для преподавателей.

Конечно, мне давно хотелось встретиться с Героем Социалистического Труда Абылкасом Сагиновичем Сагиновым. Он произвел на меня впечатление необыкновенно

эрудированного человека, как говорится, интеллигента с большой буквы. Поразили его скромность, друголюбие.

Тепло рассказывал мне Сагинов о многих ученых-организаторах высшего образования в Казахстане, с которыми дружил и, как говорится, съел с ними не один пуд соли. Называл, к примеру, имена С.Б.Баймурзина, П.М.Поспелова, Т.А.Абдразакова, С.К.Досмагамбетова, Г.Г. Пивня, М.Т.Алиакпарова, Е.А.Букетова.

Примечательный факт: когда Евней Арстановича несправедливо сместили с должности ректора карагандинского университета, разжаловали в рядовые научные сотрудники химико-металлургического института, который он же создавал, многие его закадычные друзья испугались, даже отвернулись от него. Сагинов - нет. Он до сих пор помнит, как разжалованный Евней Арстанович позвонил ему, чтобы встретиться, поговорить о насущных делах лаборатории, в которой он стал работать. Сагинов коротко ответил:

- Евней Арстанович, старая дружба, приязнь наша не ржавеет, приходи, когда захочешь.

На следующий день Е.А.Букетов снова позвонил и спросил:

- Абылкас Сагинович, не раздумал? Я ведь теперь в опале...

На что Сагинов ответил:

- Ты всегда мне близкий человек, старый товарищ лучше всех новых.

Букетов пришел домой к Сагинову вечером - усталый, но довольный своим другом. Много говорили о Каныше Имантаевиче Сатпаеве, к которому оба питали самые добрые чувства, о его незаконном увольнении с поста Президента Академии наук, печальной кончине. Им обоим довелось участвовать в похоронах К.И.Сатпаева в Алматы в составе делегации от Карагандинской области.

- Замечательный был человек - наш Каныш Имантаевич, - говорил Букетов. - Я обязательно завершу свою повесть о нем, которую начал писать еще в стенах университета.

Вдохновенно говорил Евней Арстанович и о работе лаборатории химии и угля, о том, что решил всерьез заняться превращением углей Шубаркульского месторождения в широкий ассортимент жидких топлив: бензин, дизельное топливо, топливо для авиационных реактивных двигателей...

В общем, Абылкас Сагинович понял, что Евней Арстанович не помышляет после своего увольнения с высокого поста находиться в науке и литературе на холостом ходу. Обстановка склок и дразг, сложившаяся в то время вокруг имени Букетова, не очень волновала самого Евнея Арстановича, он был выше этого. На свой страх и риск он продолжал работать над созданием нормальных условий в новой лаборатории, советовался с Сагиновым, где достать для нее современное оборудование...

И Абылкас Сагинович помогал Букетову, как мог, морально поддерживал друга до самых последних дней его жизни.

Склонный к дружелюбию, радушный и миролюбивый Сагинов всегда отличался щедростью своей души. Его любимые пословицы: "Не пожелай другу того, что себе не желаешь", "Любить себя - любить людей", - лишние раз подтверждают это.

Да, Абылкас Сагинович всегда находил в себе для праведных дел немало сил, чтобы отстоять других от суда кривды, лживых приговоров да черных наговоров. Сколько ученых снас он от произвола властей, выручил от беды!

Все в Казахстане чтит знаменитого теперь ученого-математика Алимхана Абеуовича Ермекова. Отстаивающий независимость Казахстана еще в сталинское время, он был репрессирован как алаш-ордынец. В 1955 году после тюрем и лагерей Алимхан Абеуович, седоволосый, приехал в Караганду и долгое время не мог устроиться нигде на работу. Чиновники шарахались от него, как от прокаженного. В конце концов он пришел в политехнический институт к Сагинову.

- Тогда мы долго беседовали, - рассказывал Абылкас Сагинович, - и меня до глубины души тронула история судьбы этого скромного, замечательного человека. Он встречался с Владимиром Ильичем Лениным по поводу автономии Казахской республики, с всемирно известным ученым-путешественником Г.Н.Потаниным, помогал ему записывать казахские предания, легенды...

И это, действительно, так. Материалы архивов мне рассказали, что именно Алимхан Ермеков, еще совсем молодой, тридцати лет от роду в должности члена Центрисполкома Казахской ССР в мае 1920 года командирован в Москву с докладом "О положении Казахского края вообще, и по вопросу о границах в особенности". Тогда ему

удалось добиться возвращения Казахстану ряда важных территорий, ранее переданных Россией монастырям, скотпромышленникам, казачеству.

Среди этих территорий следует отметить 70-верстную полосу на северном побережье Каспия, принадлежавшую в то время Астраханской области. Сегодня нашему государству это обеспечивает выход к Каспию и владение запасами нефти и газа, с которыми в значительной мере связывается экономическое и политическое будущее суверенного Казахстана.

В августе того же года Алимхан Ермеков был докладчиком на заключительном заседании Совнаркома РСФСР по вопросу о проекте Декрета об Автономной Казахской Республике. Декрет был принят и обнародован 26 августа 1920 года.

К успехам научно-педагогической деятельности Алимхана Ермекова следует отнести открытие в Каркаралинске школы и педагогического техникума, в котором учились будущий академик О.А.Жаутыков, член-корреспондент Академии наук А.Ж.Машанов, А.Сембаев и генерал К.Бошев.

В 1921 году Алимхан Ермеков свел Каныша Сатпаева с магистром геологических наук М.Усовым, что во многом определило нуть талантливого юноши до Президента АН Казахстана. К поступлению в Томский горный институт К.Сатпаева готовил родственник Алимхана Гариф.

Алимхан Ермеков первым в республике разработал математическую терминологию на казахском языке и еще в 1935 подготовил и издал учебник по Высшей математике.

В сталинских лагерях смерти Алимхан Ермеков отсидел в общей сложности 18 лет. В 1930 году вдвоем с Мухтаром Ауэзовым они были ошельмованы за отстаивание национального суверенитета республики.

Абылкас Сагинович Сагинов волновался, вспоминая нервную встречу с Алимханом Ермековым, просьбу того дать ему приют и работу в Карагандинском политехническом институте.

- Как я мог отказать Алимхану Ермекову, - говорил он. - Как я мог от него отречься, как это сделали другие администраторы от науки! Тем более, что передо мной стоял нервный крупный математик республикн, в свое время работавший профессором кафедры математики нескольких вузов!

Сагинов сразу же принял А.А.Ермекова на работу, проявив при этом немалую гражданскую смелость. Позже чиновники не раз намекали Абылкасу Сагиновичу на дерзость "единоличного решения".

Сагинов отвечал:

- А вы бывали на лекциях Алимхана Абеуовича? Приходите...

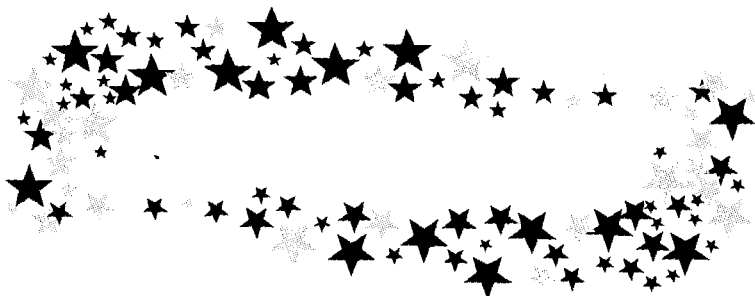
И приходили, и убеждался, что лекции Ермекова были доходчивыми, отличались глубиной изложения материала. Кстати, он излагал их прекрасно и на русском, и на казахском языках.

А как много сделал Сагинов для увековечивания памяти Алимхана Абеуовича, когда тот в 1971 году скончался! Сразу после похорон Ермекова Сагинова вызвали в обком партии и долго распекали за то, что он организовал ему слишком "пышные проводы", дал в газете слишком хвалебный некролог...

- Вы разве не знали, что Алимхан Ермеков - известный алаш-ордынец, - кричал на него высокопоставленный чиновник. - Еще раз так поступите, сами лишитесь всех регалий...

Но Сагинов продолжал биться за имя Ермекова, не боясь мести высоких начальников. И справедливость в конце концов восторжествовала - Алимхан Ермеков был полностью реабилитирован, его доброе имя восстановлено. В главном корпусе института была установлена мемориальная доска в честь А.А.Ермекова, а его именем названа одна из магистральных улиц Караганды...

Глава VII

"Не всё так нисклетно в моих трудах..."

*И*ришло время, когда можно узнать всю правду о пребывании крупного ученого с мировым именем Александра Леонидовича Чижевского в Казахстане. В архивах прокуратуры Карагандинской области мне показали два личных дела заключенного А.Л.Чижевского. Первое начато 22 января 1942 года и закончено 22 января 1950 года. Именао столько лет понадобилось советскому ученому, чтобы отбыть свой срок в печально известных лагерях ГУЛАГа и КарЛАГа. Второе дело на Чижевского было заведено Карагандинским управлением МГБ СССР 25 января 1950 года, сразу же после выхода из лагеря и определения его ссылкой в Караганду.

... Весь день просидел я в информационном центре, знакомясь с уникальными документами, проливающими новый свет на личность А.Л.Чижевского, его трагедию. Сразу скажу: еще не издано ни одной книги, ни одной статьи, в которых бы подробно рассказывалось о черных днях "врага народа" Чижевского. Многие исследователи жизни и творчества ученого до сих пор стыдливо умалчивают, пропускают факты необоснованного ареста и пребывания его в Карлаге, а также в ссылке в Караганде вплоть до 1958 года. Даже в книге В.И.Ягодинского "Александр Леонидович Чижевский", выпущенной в издательстве "Наука" в Москве в 1987 году, его период жизни 1942-1958 годов отмечен так: "Работал на Урале и в Казахстане."

Продолжал исследования по аэроионизации с внедрением их в производство; провел серию работ по гелиодинамике, подготовил материалы рукописей по аэроионификации и структуре движущейся крови". И все. А ведь это целых 16 лет напряженного поиска в невероятно тяжелых условиях. И все эти годы он не порывал не только с наукой, но и с новизией, живописью. И все эти годы он боролся за справедливость, поруганную честь, свободу мысли!

Что же ему вменили? Первое личное дело начинается с выписки из протокола особого совещания при НКВД СССР от 20 марта 1943 года. В нем постановление (цитирую дословно): "Чижевского А.Л. за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, с 21 января 1942 года, с конфискацией библиотеки". А дальше в постановлении идет юридическое обоснование приговора. Мол, будучи сыном царского генерала, А.Л.Чижевский вел антисоветскую пропаганду. Крамолу против сталинщины следователи нашли и в дневниках, и в стихах Александра Леонидовича. Кроме того (какой ужас!), Чижевский, оказывается, вел переписку и встречался с корреспондентами иностранных газет. Наконец, он ... занимался научной работой на дому. Позже ко всему этому "летописцы" из Карлага в личное дело ученого чего только не вписали! Один сообщает: "Из материалов дела видно, что Чижевский, будучи сыном царского генерала, враждебно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию". Другой комментирует: "Свои антисоветские настроения Чижевский излагал в течение ряда лет в высказываниях в присутствии окружающих лиц". Третий, не моргнув глазом, нишет: "Имел переписку с учеными США, за что был представлен к Нобелевской премии". А четвертый дописался до того, что сочинил (уму непостижимо!): "Характер преступления Чижевского - связь с китайской разведкой".

А что же сам Чижевский говорил о своих "преступлениях"? Недавно я разыскал в Караганде чуть ли не единственного теперь свидетеля пребывания Александра Леонидовича в Караганде, его друга Ирину Николаевну Кулакову, пенсионерку, но и поныне работающую в Карагандинском межобластном Центре онкологии. Она трудится здесь с 1947 года. В послевоенные годы Ирина Николаевна заведовала лабораторией диагностики злокачественных

опухолей. В этой же лаборатории после отбытия срока в Карлаге работал на полставки А.Л. Чижевский (иной должности ему еще тогда не доверяли!).

Ирина Николаевна буквально боготворила Александра Леонидовича. В свое время она много читала о нем в газетах, когда еще училась в медицинском институте в Ленинграде, даже хранила вырезку из газеты "Правда" от 11 апреля 1931 года, где было опубликовано постановление Совнаркома СССР о работе профессора А.Л.Чижевского. Подписали его тогдашний председатель Совета народных комиссаров СССР В.Молотов (Скрябин) и управляющий делами Совета народных комиссаров СССР П.Керженцев. В нем, в частности, говорилось: "Заслушав сообщение Наркомзема СССР об изобретении профессора Чижевского в отношении воздействия ионизированного воздуха на рост животных, переданном профессором Чижевским в распоряжение нравительства, Совет народных комиссаров СССР ностановляет:

1) одобрить мероприятия Наркомзема по широкой организации применения изобретения профессора Чижевского в совхозах...

2) премировать профессора Чижевского выдачей ему единовременно 10 тысяч рублей".

В библиотеке И.Н.Кулановой хранились и книга А.Л. Чижевского "Земное эхо солнечных бурь", а также книга К.Э.Циолковского "Ракета и коемическое нространство" со вступительной статьей А.Л.Чижевского.

И ей было абсолютно непонятно, как же над таким крупным ученым устроили закрытый политический процесс, на основании никчемных анонимных доносов бросили в лагеря смерти... Но узнала она об этом от самого Чижевского позже. Вначале же она приняла Александра Леонидовича за однофамильца профессора Чижевского. А он поддержал ее версию в первые дни:

- Да, я однофамилец того известного, но всеми забытого.

Однако шли дни, и Ирина Николаевна (тогда она была просто Ириной!) все больше терялась в догадках. Большой, неторопливый, улыбчивый, рассудительный и добропорядочный человек, лучше ее во сто крат знавший биологию, биохимию, анатомию... и вдруг ее подчиненный, лаборант на полставки. Что-то здесь было не так... Если она умело пользовалась хлесткими оборотами народного нзы-

ка, то Александр Леонидович к тому же объяснялся по-английски, по-французски, по-немецки и даже итальянский язык знал в совершенстве. Разбирался в литературе, в истории, увлекался музыкой, живописью. И при всем этом за внешней мягкостью, за ровностью в обращении с людьми, сдержанностью в нем скрывалась какая-то негибкая сила воли, перед которой пасовало даже начальство. Если Александр Леонидович был в чем-то убежден, то настаивал на своем всегда продуманно, аргументированно. Его не способен был переломить даже сам главный. Приказать - да. Заставить отказаться от собственного мнения - нет. И вот, все это слыша и видя, Ирина как-то подошла к Александру Леонидовичу и твердо сказала:

- Вы - тот, настоящий Чижевский, вы - не однофамилец.

- Верите? - хитровато блеснул глазами "лаборант" и шутливо поднял "вверх" руки. - Сдаюсь, значит я - плохой конспиратор.

Однажды Ирина Николаевна не выдержала, спросила прямо:

"За что же вас судили?"

"Судили? - переспросил Чижевский. - Да разве меня судили, милая? "Туда" тогда попадали без следствия и суда. Вина за лагерные годы лежит не на мне, ... я ведь даже анекдоты о Сталине не сочинял... Видит бог - без вины виноватый".

Да и Ирина была убеждена, что Чижевского сделали без вины виноватым. Совершенно далекий в сталинское время от политики, Александр Леонидович писал свои научные труды, не подделываясь под официально принятый марксизм-ленинизм, а выражал свои концепции видения на те или иные проблемы, исходя из опыта мировой науки. Он настолько был увлечен космическим естествознанием, вопросами солнечного влияния на биосферу, биологией, аэроионификацией народного хозяйства, что, казалось, ничто больше на свете его не интересовало, конечно, кроме поэзии и живописи. Даже за колючей проволокой Гулага, а затем и Карлага он продолжал свой титанический труд, несмотря на большое горе, которое обрушилось на него, старался быть предельно собранным, умеренно спокойным, чтобы сохранять силы для науки, поэзии, живописи, того, для чего он, собственно, был создан, что пуще всего любил. Конечно, в самом начале лагерного пути его

нервировало, взвинчивало ощущение режимной сферы, предчувствие тяжких испытаний, болезненных перемен. Такое состояние выматывало.

Вначале были одиночные камеры. К одиночеству он не мог привыкнуть сразу, ведь оно обрушилось на него неожиданно-негаданно, как только он попал в цепкие лапы НКВД. Их, ученых, допрашивали по одиночке, порознь сажали в камеры, даже на тюремный двор водили каждого по себе. А одинокому хоть утопиться, хоть удавиться! И такое бывало часто в Бутырской тюрьме, где поначалу "содержали" Чижевского. У некоторых пленников Берии не выдерживали нервы, и они шли на "предательский и провокационный акт самоубийства". Правда, за этой удобной для НКВД формулировкой бериевцы зачастую скрывали свои собственные злодеяния. Замучат человека насмерть, а затем выдают родственникам заключение специалистов о самоубийстве.

А.Л.Чижевский по натуре своей был человеком общительным, нелюдимых он избегал и не понимал. В личном деле заключенного Чижевского хранится удостоверение № 23, выданное Александру Леонидовичу в том, "что он действительно состоит Председателем Калужского губернского отдела Всероссийского союза поэтов". Не знаю, кому как, а мне оно сказало о многом, прежде всего о том доверии, которое оказали Чижевскому его собратья по перу, избрав его своим вожаком. Заслужить такое доверие у поэтов непросто, непременно надо быть компанейским человеком, хорошим товарищем, другом. И при этом уметь писать блестящие стихи, лучше других.

Всеми этими качествами, бесспорно, обладал Александр Леонидович. Я читал его стихи, которые мне показывала И.Н.Кулакова: "Гиппократу", "Галилею", "К.Э.Циолковскому", "И вновь, и вновь взошли на солнце пятна"... Они свидетельствуют о самобытном почерке автора в большой стране Поэзии. А позже в сборнике стихотворений А.Л. Чижевского, изданном в российском издательстве "Современник", я нашел отзывы о поэзии Чижевского таких признанных корифеев литературы, как М.Волошина, А.Н.Толстого, В.Я.Брюсова, Вячеслава Иванова.

Так, Валерий Яковлевич Брюсов писал Чижевскому: "Работайте над вашим высоким даром". Вячеслав Иванов: "Могу смело предсказать вам блестящую будущность лирического поэта".

"В первые месяцы пребывания в тюрьме и лагерях я не мог заниматься наукой, не было никаких условий, - рассказывал Александр Леонидович И.Н.Кулаковой. - Меня спасала Поэзия..."

И это так. Что может снасти талантливого человека с душой поэта в темных одиночных камерах? Конечно, только Поэзия, приближение к ее светлому, возвышенному огню. Все, что есть прекрасного в твоей душе, поддержат только прекрасные строки, пусть надрывные, до безумия печальные...

*"И в груди томится сердце,
Бьется птицей в темном склепе,
Без сочувствия родного.
Одинокое, одно..."*

И.Н.Кулакова сообщила мне такой малоизвестный факт: в середине 50-х годов А.Л.Чижевский подготовил в Караганде машинописный том стихотворений. В нем - около 500 его произведений, большинство из которых было написано в Карлаге. Куда исчезла эта книга? Ирина Николаевна вспомнила, что один экземпляр этого тома Чижевский выслал в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина, второй - в архив Академии наук СССР. Может быть, есть резон разыскать эти рукописи, издать в нервозданном виде?

В Карлаге А.Л.Чижевский сильно болел. В "формуляре к личному делу № 78435 на Чижевского" от 30 июня 1943 года я нашел записи врачей, что у него "склероз мозга, грудная жаба, бронхит". Он - инвалид I группы. Затем через каждые полгода повторялось заключение медиков, что зэк Чижевский - "инвалид I группы". Но, несмотря на это, он продолжал работать даже в невыносимых условиях Карлага. Величие и непобедимость духа, способные преодолеть все невзгоды и удары судьбы, даже самые жестокие, помогли Чижевскому создать вдохновенные строки о космосе, солнце, любви к людям. 5 января 1943 года, находясь в Карлаге, он напишет в дневнике: "Холод - 5 градусов в камере, ветер дует насквозь, жутко дрожу. Кипятку не дают". И тут же сообщает, что в этих условиях он возвращается к своему стихотворению "Гиппократ", написанному им еще в 1912 году, чтобы внести некоторые уточнения и поправки.

Тогда же он нишет стихотворение "Хлеб":

*"Тот, кто изведал нужду и лишения,
Тот, кто в тюрьме без конца голодал,
Ведает цену священному хлебу,
Как бы кусок ни был черств или мал".*

Вскоре Чижевского в Карлаге переводят в барак. Где уж тут заниматься творчеством, поэзией! Ведь здесь все общее - грязные налаты, бригады, работа, купание, недоедание, недосыпание и силошное ругание... Вставали под мат воспитателей: "Ах, вы такие-сякие, все еще дрыхнете, кузькину мать?" И ложились под карательные визги: "Спать, а то будем стрелять!"

Больше всего боялся Чижевский раствориться в толпе, стать таким, как все, жить по лагерной норме. Но вырваться на индивидуальный простор никак не мог, хотя и просил настойчиво у начальства одинокого заключения. Ведь в общем стаде он не мог ни думать, ни писать... Какое там - его поселили в бараке на 400 человек, и сосредоточиться там на какой-то порядочной мысли было просто невозможно - все галдели, шумели, гоготали, лупили в домино или карты.

Чижевского, как и всех заключенных, унижали в Карлаге, как могли. И в бараках смерти он хлебнул горя народного вдоволь. И, конечно, не мог не откликнуться на боль людей, их гнев к сталинизму. Вот здесь в Карлаге он впрямь занялся политикой, прогнозировал скорое падение Сталина, кровавого палача Берия. Люди потянулись к Чижевскому, много нового узнавали от него о космосе, учении Циолковского... "Ничего нет вечного на земле, все изменится, - говорил Чижевский. - Будут и у нас светлые дни".

В личном деле заключенного Чижевского я нашел еще один своеобразный документ той железной эпохи. В характеристике, выданной начальством ИВДельлага в 1942 году на Чижевского, прочитал: "Несмотря на предупреждения о нарушениях установленного лагерного режима, за что был из центральной больницы выдворен обратно в 9-ую зону, Чижевский продолжает делать антисоветские выступления... Он также добивался и подстрекал заключенных на непослушание, чтобы они требовали неположенного им дополнительного питания".

И в Карлаге Чижевский постоянно нарушал режим, за что неоднократно лишался баланды и куска хлеба, а также выдворялся в одиночные камеры. Его судьба была непредсказуемой, он сам говорил позже И.Н.Кулаковой, что ему могли бы прибавить за неблагонадежность еще лет пятнадцать... Но где-то к 50-м годам начали падать тяжкие оковы мрачного времени. То тут, то там вспыхивали волнения среди политзаключенных. Многие стали понимать: хочешь жить, умей бороться! И вот уже пошли волны забастовок. Начавшись в экибастузском лагере, они охватили 3-е отделение Степлага (поселок Кенгир, станция Дзезказган), 2-е отделение Степлага (Рудник), а затем Песчанлаг, Озерлаг, наконец, Карлаг...

В 1946 году Чижевский нишет в комиссию по помилованию при Президиуме Верховного Совета СССР ходатайство о пересмотре его дела. Однако ему в этом отказывают. Тогда он обращается к начальству Карлага с заявлением, в котором просит довести свои просьбы до личного рассмотрения И.В.Сталина. Навряд ли его просьбы были доведены до "вождя народов", тем не менее Чижевскому впервые дали послабления. Заместитель пачальника управления Карлага НКВД, подполковник Слюсаренко накладывает на заявление Чижевского резолюции: "1. Вызовите его и окажите помощь в нересылке материалов его работ (через Гулаг). 2. Возвратите ему его книги (список при этом прилагается). 3. Улучшить ему бытовые условия и создать условия для работы".

Надо сказать, это был первый "успех" зэка Чижевского, добытый немалой кровью и, надо отметить, имевший серьезные последствия для возрождения активной научной деятельности. В очередном сообщении тому же Слюсаренко Александр Леонидович писал: "Я теперь живу при художественных мастерских Долинского комендантского отделения. В моей малепькой комнатке (бывшая кладовая) вмещаются только топчан, тумбочка и печка. Но для творческой работы мысли этого вполне достаточно".

И.Н.Кулакова говорила мне, что этой комнатке Александр Леонидович радовался, как ребенок. Видимо, это была своеобразная разрядка, вызванная неожиданным послаблением того жесткого режима, в котором он находился. В голове у Чижевского была одна мысль - использовать свои маленькие бытовые возможности для науки. Теперь требовалось одно: работать, нельзя раскисать, ни в коем случае,

надо крепко держать себя в узде. А работать Чижевский не только мог, но и любил. И других, как известно, умел привлекать к творческой работе, действовать сообща с ним.

Вскоре, а более точно - 12 декабря 1947 года - начальник ОУРЗ Карлага, майор Матросов высылает в Москву научные материалы по изобретению Чижевского: "Электрический метод получения бетона максимальной прочности". Затем Александр Леонидович создает научный труд: "Профилактическая роль отрицательных ионов воздуха в рентгеновских кабинетах", потом - "Аэроионификация общественных и жилых зданий", наконец, "Теория работы электромаски для борьбы с неорганическими и бактериальными запылениями легких". К сожалению, все эти труды Александра Леонидовича не изданы и по сей день.

Но это не все, что создал в Карлаге Чижевский. В том же 1947 году он пишет уже известному нам Слюсаренко о завершении крупнейшей работы (около 500 страниц текста, свыше 75 таблиц и 50 чертежей) под заглавием "Строение функций системы крови (выполнена с помощью инженера Н.Г.Ченцова - 19 Долинское комендантское отделение)".

И тут же сообщает, что охотно берется за создание уникального труда по теории крови человека в условиях космической невесомости! Надо сказать, вначале эта мысль показалась начальству Карлага абсурдной. После войны с фашизмом было, как говорится, не до жиру, быть бы живу! И вдруг Чижевский выдвигает какой-то бред насчет работы о крови человека в космосе! Целым институтам, казалось, это было не под силу.

Но волнение, видать, охватило Слюсаренко. А что если попробовать дать побольше воли дерзкому профессору? Чем черт не шутит. На Спасском заводе (отделение Карлага) отбывал свой срок такой же чудак - профессор, специалист-теплотехник В.Л.Пржецлавский. Так вот его освободили по настоянию некоего С.П.Королева (будущего создателя космических кораблей - Прим. В.М.). Может, и Чижевский "птица высокого полета". Тем более, что просил он о малом - выделить ему в помощники узника Карлага, математика П.Г.Тихонова.

Следует сказать, что это "разрешение" придало сил Чижевскому. Вместе с Тихоновым он отработал огромный материал, который лег в основу книги Александра Леонидовича "Динамика крови". Этот труд Чижевского сыграл

ножке неоценимую роль в овладении человеком космоса. Летчик-космонавт В.И.Севастьянов ножке в своей книге напишет: "Особенно велики заслуги Александра Леонидовича перед космической биологией в самых разнообразных ее аспектах. Люди, занимающиеся проблемами космоса, - ученые, конструкторы и мы, космонавты, часто в своей работе непосредственно сталкиваемся с проблемами, которые разработал и успешно решил Чижевский. Мы отдаем ему за это дань уважения и признательности".

Не перестаю удивляться той огромной, напряженной работе, которую в очень короткий срок в тяжелых условиях Карлага проделал А.Л. Чижевский. Он сам таял буквально на глазах, но его упорство позволило ему делать все новые и новые открытия. Однако на пути профессора не было цветов признания. Горечью и душевной болью пронизаны многие его рапорты и заявления, подшитые в личных делах заключенного, а ножке ссыльного в Караганде. Время не позволяет мне их все воспроизвести, да этого, видимо, и не следует делать, но, пожалуй, одно заявление надо бы привести полностью, чтобы понять, в какой атмосфере тех лет работал Чижевский. Адресовано оно тому же Слюсаренко, датировано 21 марта 1947 года.

"С чувством глубокой благодарности, - пишет А.Л.Чижевский, - отношусь к данному мне вами разрешению заниматься любимым творческим делом, возможным в лагере, - живописью, а в свободное вечернее время, когда наше помещение свободно от шума, работать теоретиком в области науки. Даже в этих условиях можно создавать истинно общечеловеческие ценности".

И далее: "Здесь, в Долинке, кто-то постарался создать мнение о том, что мои труды ровно ничего не значат. Это для меня не ново, так как и в Москве против моих новаторских работ были "многократные походы" со стороны "академически мыслящих" ученых, то есть людей, которые руководствуются учебниками и невидят новые идеи, новые смелые дерзания, особенно, если эти дерзания опережают современное состояние науки на десятилетия. Но, смею вас заверить, что не все так ничемно в моих трудах...

Прошу вас отдать распоряжение о приобретении для моих художественных работ масляных, акварельных и гуашных красок и цветных карандашей, на сумму примерно 250-300 рублей.

Чижевский".

И тут надо сказать, что в Карлаге Александр Леонидович рисовал постоянно, в самых примитивных обстоятельствах самыми примитивными и некачественными материалами. Живопись была для него так же, как поэзия, не развлечением, а потребностью. В лагере писал он больше по воображению, но памяти, вспоминая Россию, Калугу, зеленые луга и голубые чистые, как лебедь, реки, желтые стога сена и клин курлыкающих журавлей... Его картины были полны света, солнца, чего так не хватало в мрачных бараках и комнатах Карлага. В историко-краеведческом музее в Караганде мне показывал его небольшие картины, в них было очень много от Левитана, которого я любил с детства. И все же это был Чижевский, самобытный Чижевский, живопись которого, честно говоря, мы забыли, схоронив его маленькие полотна в музейной пыли...

Правда, всего один-единственный раз уже после смерти Чижевского где-то в 1981 году в выставочном зале Караганды состоялась персональная выставка книг и рисунков, сделанных Чижевским в заключении. Их было много - они заняли четыре стены.

Картины художника сохранила и привезла в Караганду его жена Нина Вадимовна Чижевская, урожденная Энгельгард. Она тоже была репрессирована, и они, едва знакомые в юности, встретились в лагере и полюбили друг друга.

Первое, о чем Нина Вадимовна спросила, прилетев в Караганду, было: как тут наша Карменсита? Так они с мужем называли Ирину Николаевну Кулакову, внешне очень похожую на героиню Мериме и Бизе, великолепно исполнявшую романсы под звуки фортепиано, за которым сидел Чижевский.

На выставке Нине Вадимовне стало нлохо. К тому же, стоял сильный мороз, и она совсем разболелась, попав в больницу. Обычно в подобной ситуации в чужом городе человека ждет одиночество. Но разве Ирина Николаевна могла такое допустить? Она часами сидела у кровати, утешала больную, приносила ей все необходимое. А когда Чижевской стало лучше, И.Н.Кулакова с друзьями сопроводила ее в аэропорт и отправила домой, в Москву.

"Спасибо вам, карагандинцы, за память о муже, - сказала, прощаясь, Нина Вадимовна. - Я поняла: вы его помните и любите..."

Да, карагандинцы очень любят А.Л.Чижевского. Лю-

били его они и при жизни, когда Александр Леонидович, отбыв свой срок в Карлаге, работал на ссылке в Караганде в различных медицинских учреждениях.

Сам Чижевский чувствовал это, не раз позже тепло вспоминал о своих карагандинских друзьях.

И все же Чижевский постоянно обращался в вышестоящие инстанции в Москву с просьбой вернуть его в столицу, предоставить ему работу в каком-нибудь столичном институте. Его мучила оторванность от важнейших научных центров столицы, известная изоляция от мира ученых... Но всякий раз он получал отказы от "сильных советского мира".

В такие дни Ирина Николаевна видела невыносимую печаль в глазах ученого. Ей думалось: как странно, что Чижевский, человек, которого международный конгресс биофизиков охарактеризовал как "Леонардо да Винчи двадцатого века", и спустя годы после отсидки в Карлаге имел в Москве так много недоброжелателей.

А, может, не так уж и странно? К клану псевдоавторитетных советских академиков он не принадлежал. Рьяные ревнители классовых интересов, жизненным козырем которых было бедняцкое происхождение (они на всех перекрестках кричали: я из рабочих, я из батраков!), продолжали считать его чужаком, белой косточкой из генеральской семьи. Видимо, люди недалекие, лишённые способностей, они просто завидовали Чижевскому, его культуре, уму, умению мыслить своеобразно и пророчески. А вот директор Карагандинского научно-исследовательского угольного института Абылкас Сагинович Сагинов сразу, при нервной встрече с Чижевским, оценил его научный кругозор, добросовестность в работе, отрешенность от всего личного, корыстного ради общего дела. При этом Александр Леонидович был скромным, никогда не выпячивал себя, не подчеркивал свои заслуги в науке. Знал Сагинов и умение Чижевского повернуть науку в производство, в конкретные дела по спасению здоровья людей в условиях экологического кризиса, вызванного сталинскими промышленными гигантами, освоением недр земли. Хотели того или не хотели сталинские стратеги, но проблема шахтерских заболеваний в Караганде крепко давала себя знать. Беспристрастная статистика много говорила глазу ученого. У шахтеров росло количество заболеваний рака легких, гортани, туберкулеза, верхних дыхательных путей,

бронхиальная астма... Загрязнение атмосферы угольной пылью в шахтах и на поверхности - вот основной бич.

Сагинов знал, что Чижевский давно занимается проблемами аэропонификации зданий. Еще в 1941 году Александр Леонидович решил многие (технические) вопросы аэроионификации, но его необоснованный арест прервал эту важную работу. Почему бы не возобновить ее в условиях Карагандинского угольного бассейна?

"Согласен с вами, - кивнул головой Чижевский. - Вдыхая аэроионы, горняки будут вносить в свой организм как бы дополнительное электропитание. Тем самым активизируется работоспособность их тела, повысится сопротивляемость его к недугам..."

Позже директор КНИУИ Г.Е.Иванченко по рекомендации А.С. Сагинова, приступившего к тому времени к новым обязанностям директора горного института, подписал приказ о приеме на работу профессора А.Л.Чижевского. В КНИУИ был создан сектор аэроионификации.

В историко-краеведческом музее мне показали копию письма генерального конструктора самолетов О.Антонова от 23 декабря 1968 года, направленного жене Чижевского Нине Вадимовне. О.Антонов писал:

"В моем рабочем кабинете установлены в 1960 году ионизаторы Александра Леонидовича. С тех пор они регулярно включаются по утрам перед началом работы в течение уже 8 лет.

В кабинете воздух всегда свежий, дышится легко.

Трудно сказать, какой долей работоспособности и здоровья я обязан своему организму, а какой ионизации, но чувствую себя, несмотря на возраст (62 года), отлично, работоспособность высокая.

Последние остатки фиброзно-каверзного туберкулеза, которым я страдал с 1946 по 1958 год, исчезли практически без применения антибиотиков..."

Хочу добавить, что работы А.Л.Чижевского по оздоровлению горняков не потеряли своего значения и сегодня. И есть прямой резон возродить практику применения ионизаторов Чижевского в нарядных шахт. Для этого необходимо одно - желание!

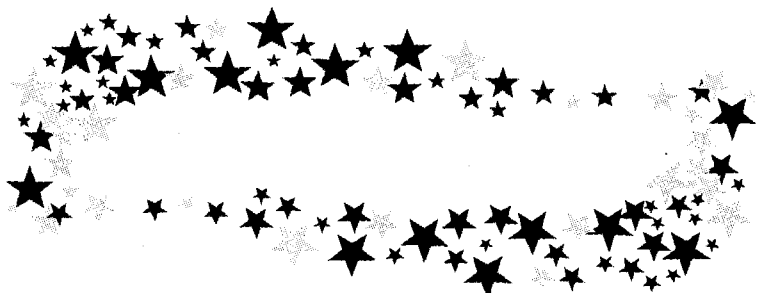
Признаться, я давно хотел написать о Чижевском. Читал его книги, стихи, трактаты о литературе, искал и находил в музеях картины-пейзажи, мастерски написанные его рукой. Но никак не мог представить себе внешний лик

Чижевского. Как он выглядел, какое у него лицо, руки, глаза? И вот надо же впервые (горькая ирония судьбы!) фотоснимок Чижевского я увидел в "Анжете арестованного" в его личном деле. Угрюмое выражение лица, тоска в глазах, запавшие, исхудалые щеки, ное...

Словесный портрет профессора, сделанный начальником следственного отделения, мало чем отличался от снимка.

Нет, не таким я представлял себе Чижевского. Конечно, я отлично понимал, что и фото, и словесный полицейский портрет сделан для таких же полицейских на случай побега профессора с каторги... Но сердцем своим я не мог его принять. Позже в Карагандинском историко-краеведческом музее мне показали другой снимок Чижевского, сделанный в Караганде где-то в 1958 году, сразу же после реабилитации Александра Леонидовича. На меня смотрел совершенно другой человек - улыбчивый, мягкий, с большими добрыми губами, светлыми веселыми глазами... Да, это Чижевский. Тот самый, кого на международном конгрессе биофизиков в Нью-Йорке в 1939 году назвали "Леонардо да Винчи двадцатого века".

Глава VIII

Под эковским номером 179888

Впервые о Михаиле Зуеве-Ордынце я услышал, как ни странно, в Ростове-на-Дону в 1979 году. Помню, пришел в гости к донскому писателю Петронию Гаю Аматыни, чтобы поздравить его с выходом книги "Путешествие в Аэроград". Он жил тогда в переулке Журавлева в многоэтажном доме в довольно большой квартире. После традиционного бокала шампанского вышли на балкон покурить. Как обычно, завели речь о тяжелой писательской работе, о том, как нелегко даются строчки, каждая книга. Аматыни был по профессии летчиком, но подвело здоровье. И тогда он взялся за перо, решил писать книги для детей, юношей. С кого из писателей взять пример?

- В детстве и юности я читал много книг приключенческого жанра, - говорил мне Петроний Гай. - Но самое большое впечатление на меня произвел роман писателя Зуева-Ордынца "Злая земля" - о русских нервопроходцах Аляски, их дружбе с индейцамп. Прочитал его, как говорится, на одном дыхании. И подумал: вот так надо писать для молодых - прямо-таки захватывает! Жаль, что Михаилу Ефимовичу на долгие годы запретили писать, в 1937 году он был несправедливо осужден на целых 15 лет без права сочинять книги. Но он выжил, после лагерей Сталина в Сибири и Казахстане тяжело больной снова взялся за перо. Я разыскал его адрес в Караганде, и написал ему несколько сочувственных писем в таком духе: если бы

не ваши книги, я бы не стал писателем... Он, конечно, был рад моим словам признания его таланта.

Я заинтересовался жизнью и литературным наследием М.Е. Зуева-Ордынца. Он родился в 1900 году в Москве. В возрасте 18 лет вступил добровольцем в Красную Армию, затем был направлен на учебу в Московскую артиллерийскую школу красных командиров, воевал против белогвардейцев до конца гражданской войны. Демобилизовавшись, работал в Ленинграде в различных газетах, одновременно пробовал свои силы в литературе. В 1925 году в журналах "Всемирный следопыт", "Вокруг света" и других появляются первые приключенческие рассказы Зуева-Ордынца. А в 1929 году был опубликован его роман "Злая земля", о котором мне так восхищенно говорил Аматоуни.

Я прочитал эту книгу Михаила Ефимовича. Действительно, она написана увлекательно, хорошим сочным языком. В ней Зуев-Ордынец правдиво, опираясь на большой документальный материал, изображает борьбу индейцев за свободу и независимость Аляски от гнета Америки. На их стороне русский дворянин Андрей Гагарин, его близкие друзья, побратимы. Андрей в свое время бежал из Санкт-Петербурга от царских жандармов на земли русской Аляски. Но в 1867 году эта далекая окраина России была за бесценок продана царем Александром США. Что делать? Возвращаться в Санкт-Петербург? Нет, Аляска не должна быть колонией Соединенных Штатов... И герой романа становится легендарным вождем индейцев.

В Карагаиде Зуев-Ордынец в 1959 году, то есть спустя тридцать лет, возвращается к этому роману, написанному в молодости, дорабатывает его, затем издает в Калининградском книжном издательстве под названием "Последний год" довольно приличным тиражом - 50 тысяч экземпляров. Один экземпляр этой интересной книги Михаил Ефимович подарил Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя, ее читателям 19 мая 1962 года, не забыв поставить на ней свой автограф.

Словом, в двадцатых-тридцатых годах имя писателя Зуева-Ордынца было хорошо известно массовому читателю. Ведь, кроме романа "Злая земля", он написал увлекательно, интересно повести и рассказы "Сказание о граде Новом Китеже", "Гул пустыни", "Волчья падь". И все они были доброжелательно встречены литературными критиками, слава писателя росла, как говорится, не по дням, а по часам.

Удивительно, что такой благополучный во всех отношениях писатель был в 1937 году репрессирован. За что? В своей повести "Дело № 179888", кстати, написанной в Караганде в 1963-1964 годах, Зуев-Ордынец пояснил, что был арестован "по обвинению в контрреволюционной деятельности". В чем же она заключалась? Всего-навсего в том, что в своем дневнике в 1932 году он записал такую эпиграмму по поводу закрытия Российской ассоциации пролетарских писателей:

*"По мановению восточного сатрапа -
Не стало РАППа.
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!"*

Следовательно, прочитав это четверостишие, сказал со вздохом сожаления Зуеву-Ордынцу: "Душок, душок-то какой! Вы, безусловно, понимаете, кто назван в этих строчках восточным сатрапом?" и цинично добавил: "Пи-са-те-ли! Советские люди молятся на него (Сталина), а тут, видите ли, находятся... Я тебя в порошок сотру! Сам расстреляю!"

Сколько ни силился Зуев-Ордынец доказать, что это не он сочинил стихи "О РАППе и еатрапе", его все равно обвинили в антисталинизме, сделали "врагом народа".

Почти двадцать лет молодой жизни забрал у писателя сталинский режим. Он отбывал свой срок в различных лагерях Гулага, как я уже писал, без права сочинять книги за контрреволюционную агитацию. Особо твердую, жестокую зарубку получил он на сердце в Сибири в тайшетском лагере, где с экаками обращались хуже, чем со скотом, где они по ночам во сне громко и четко выкрикивали свой номер и просыпались с каменной тоской на душе... В Тайшете Михаил Ефимович от недоедания и холода заболел туберкулезом, работая на лесозаготовках.

Недавно в архиве Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области по моей просьбе нашли карточку политзаключенного Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Зуева-Ордынца Михаила Ефимовича. Из нее явствует, что после Тайшетлага писатель 2 марта 1940 года был переведен в Карлаг. Отбывал он свой срок на отделениях Карабас, Чурубай-Нура, Батык, Долинка. Освобожден Михаил Ефимович был 21 июня 1950 года, ему на основании Указа от 14 июня 1944 года срок

был милостиво сокращен. Но путь в Москву писателю не открыли, он жил в скверных условиях в поселке Актас под гласным надзором.

Тогда в Актасе держали многих бывших узников Гулага, их не прописывали даже в Караганде. Соседкой Зуева-Ордынца одно время была жена известного поэта, расстрелянного НКВД, Павла Николаевича Васильева - Елена Александровна. Она в Карлаге работала на отделениях Жаманжол, Ялта, Карабулак, Карашоки чабаном, строителем, учетчиком на овцеводческой ферме. В 1948 году ее объявили вольнонаемной, и она поселилась в Актасе, трудилась на шахте № 105 нормировщицей, а затем оператором в гараже. В 1950 году к ней в Актас приехала родная сестра Лидия Гронская с двумя девочками. Приближался срок окончания заключения ее мужа Ивана Михайловича Гронского, бывшего редактора журнала "Новый мир" и газеты "Известия". И правда - вскоре Гронского выпустили, реабилитировали и разрешили выехать с семьей в Москву. Помогло, как ни странно, обширное письмо Ивана Михайловича Гронского Вячеславу Молотову.

Зуев-Ордынец тоже обращался в высокие инстанции с просьбой о реабилитации, но на его письма никак не реагировали.

В отделе краеведения областной библиотеки имени Гоголя сохранилась копия справки, выданной военным трибуналом Ленинградского военного округа только в июле 1956 года. Полковник юстиции Ананьев сообщает, что дело по обвинению Зуева-Ордынца пересмотрено, постановление особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 октября 1937 года отменено, дело производством прекращено. 31 октября 1956 года постановлением секретариата Союза писателей СССР реабилитированному писателю М.Е.Зуеву-Ордынцу выдано пособие в размере трех тысяч рублей...

По поводу реабилитации он горько написал в своем дневнике: "Не дорого ценит наша власть наши страдания. Как говорится - дешево отделяется" (запись 1956 года).

После освобождения из Карлага Зуев-Ордынец одиннадцать лет прожил в Актасе. Там он написал новую повесть "Вторая весна", за которую был удостоен медали "За освоение целинных и залежных земель".

Родилась эта книга после поездки писателя в Егиндыбулакский район, в урочище Аркалык. Ездил на машине

начальника строительного управления № 3 г. Актаса, известного строителя шахт Георгия Павловича Кирчакова. Михаила Ефимовича отговаривали от этой поездки, даже Регина, верная его жена, подруга, работавшая бухгалтером в СУ-3, умоляла не покидать Актас. Но Зуев-Ордынец остро чувствовал, что рождается новое время, люди раскрепощаются от сталинских догм и клеветы друг на друга. Дремавшая веками в горестном оцепенении казахская степь проснулась вместе с весенними трелями птиц и солнечными столбами яркого света. Началось невиданное доселе наступление на бесплодие просторов Сарыарки. И хотя писатель задыхался от приступов туберкулеза, хотя врачи не позволяли ему покидать домашний очаг, разве мог он задушить нетерпение своего сердца: увидеть целину? И вот больной, в старом поношенном пальто и шапке эжовских времен он бежит из своей квартиры в Актасе на вольный степной ветер в глухие места, где обосновались первоцелинники.

Это была его последняя писательская командировка, которую он сам устроил себе. И не зря! Повесть "Вторая весна" была издана в 1959 году в издательстве "Советский писатель", ее благожелательно встретили критики.

В 1969 году М.Зуев-Ордынец благодаря хлопотам своей жены Регины переехал в Караганду в дом № 31 по бульвару Мира. К сожалению, на этом доме до сих пор нет даже маленькой мемориальной доски, которая напоминала бы карагандинцам о талантливом писателе. А ведь такое предложение прозвучало на страницах "Индустриальной Караганды" еще 10 февраля 1995 года. Тем более, что в этом доме Михаил Ефимович продолжал настойчиво и много работать. Здесь, например, он довершил работу над книгой "Остров потопленных кораблей", которая была опубликована Казахским государственным издательством художественной литературы в 1963 году. Новая книга Зуева-Ордынца - это сборник его рассказов о современниках: геологах-кладоискателях, пограничниках, рабочих.

О литературном творчестве Зуева-Ордынца можно рассказывать бесконечно долго. Но прежде всего хотелось бы отметить, что он был чрезмерно взыскательным, строгим к себе, к каждой своей строчке. В дневнике он рассказывает, например, как долго работал над рассказом "Туман". "Прочитал - не понравилось, - делится он своими мыслями. - Длинно, много лишнего. А это ослабляет

эмоциональное воздействие на читателя. А что лишнее? Вот тут-то и загвоздка! Начну сокращать, и буду помнить при этом слова Чехова, что в рассказе не должно быть ничего лишнего, как на корабле".

Эту запись он сделал 1 декабря. И только 17 декабря сообщил, что окончил второй вариант "Тумана". И тут же добавляет: "Все же, кажется, длинновато". 19 декабря писатель возвращается к своей работе. "Сегодня чуть-чуть поужал рассказ. А теперь и пусть отлеживается".

Рассказ "Остров потопленных кораблей" Михаил Ефимович переделывал девять раз. Завидное трудолюбие и упорство! А сегодня некоторые молодые писатели, увы, едва только набросали свою вещь, уже спешат ее напечатать, с пеной у рта доказывая, как гениально она сделана. Почаще бы обращаться начинающим прозаикам да и поэтам к опыту писателей старшего поколения.

Велико эпистолярное наследие Зуева-Ордынца. Роясь в его архиве, я нашел письма знакомого нам Петрония Амагуни, алмаатинца Николая Анова, Корпея Чуковского, Сергея Маркова. На книге "Небесные горы" Сергей Марков оставил такую надпись: "Дорогому Михайле Зуеву-Ордынцу со старой дружбой и любовью. 23 января 1962 года".

Тенло вспоминает Зуев-Ордынец о встречах в карагандинском литературном объединении с писателями Жаиком Бектуровым, Николаем Пичугиным, говорит добрые слова о работниках библиотеки, которые организовали во Дворце культуры горняков встречу читателей с ним в апреле 1962 года.

Интересны мысли Зуева-Ордынца о писательском труде, своих коллегах. 4 февраля 1956 года он пишет: "У китайского писателя вычитал замечательное выражение: "Трусливое перо". Не в бровь, а в глаз многим нашим современникам, конечно, писакам..."

К Михаилу Александровичу Шолохову у Зуева-Ордынца отношение ночтительное. Вот запись от 25 февраля 1956 года: "Речь Шолохова на съезде. Хорошая, честная, прямая речь... И пусть морщатся Фадеевы и Сурковы. Мы, рядовые литературы, не на стороне этих загенерализившихся писателей, а на стороне Шолохова. И полностью с ним согласны".

Вообще, меня поразил дневник М.Е.Зуева-Ордынца, который хранится в государственном архиве области. Жалко, что он до сих пор нигде не опубликован.

В этом дневнике - самые сокровенные, правдивые мысли писателя, написанные кровью его сердца. В дневнике, кстати, я нашел несколько строк и о ростовском писателе Амадуни. В записи, сделанной 30 мая 1965 года, Зуев-Ордынец сообщил: "Петроний Амадуни прислал фотографии своих путешествий по Африке. Египет, Занзибар! А я? Несчастный я, как дырявый дряхлый корабль, на мертвом якоре".

В свое время Михаил Михайлович Пришвин, которого так любил цитировать Зуев-Ордынец, говорил: "Дневник писателя я понимаю как источник, вытекающий из самой души человека". Из самой души, искалеченной сталинизмом, но не сломленной до конца, рождались и записи Михаила Ефимовича. В них много горького, пропитанного слезами человека, переживающего большую трагедию жизни, отлученного от любимых культурных центров России, собравшее по перу.

30 ноября 1955 года Зуев-Ордынец пишет: "Дожил, но со здоровьем дело очень плохо. Ухудшается с каждым днем. И нередко приходят мысли о смерти. Не могу сказать, что я очень боюсь ее, но иногда сердце замрет перед мыслью о двери, через которую никто не возвращался, переступив ее порог...

Вошел в темную кухню. За окном яркая луна заливала наш дворик. Свет мягкий, вкрадчивый какой-то, а видна каждая былинка на земле, каждый гвоздь в заборе. Остановился восхищенный и полный благодарности за красоту мира. А затем потрясла мысль: это вечно, также мягко будет светить луна и через десять, и через сто лет, и будет освещать этот же клочок земли, но тебя не будет. Совсем не будет..."

6 января 1956 года Зуев-Ордынец пишет: "Слушая наши радиопередачи, невольно станешь контрреволюционером - без конца, ежеминутно, в прозе, в стихах, в песнях, в пьесах и в операх твердят о счастливой, радостной жизни, которую мы якобы имеем. И начинает разбираться злорадство и возмущение на эту наглую тупую жизнь. Совсем за дураков нас считают. Где она, эта радостная жизнь? Люди живут тяжело, плохо едят, тяжело работают, в отвратительных условиях жилища без примитивных удобств, окружены беспорядком, произволом, подчас диким произволом. Вот так живут! За исключением небольшой кучки. Для имеющих партбилет социализм, действительно, построен. Какой бы дурак, лодырь, неумеха он ни был, он останется "руководящим лицом"..."

22 июня 1958 года сделана такая запись:

"По словам врача, Караганда стоит в республике на первом месте по числу наркоманов. В большинстве - молодежь.

Неблагополучно что-то с нашей молодежью!"

23 июня:

"Смертельная слабость, апатия, равнодушие ко всему. Депрессия снова.

Боже, как это тяжело!"

26 июня:

"Наша Карагандинская область держит первенство по Союзу по уголовным преступлениям и хулиганству. А Шахтинск (бывший Тентек) - первенство по Казахстану.

В основном уголовный элемент - вербованные, подонки со всего СССР".

3 июля:

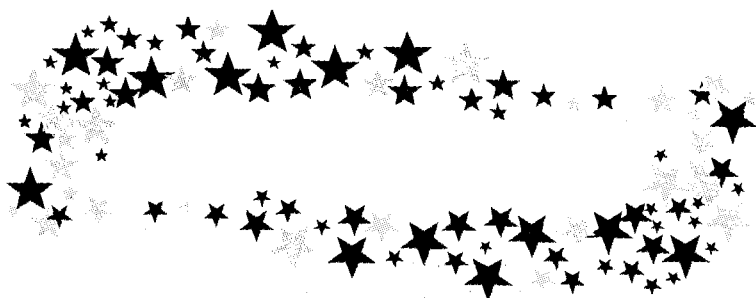
"Газетная статья. Судебный процесс в Алма-Ате. Жуть! Трое парней, от 18 до 20 лет, хладнокровно, снокойно убили более десятка людей. С целью грабежа, за 5-10 рублей. Убийц расстреляют, но как мы озверели! И это наша молодежь, наша надежда!"

Записки в дневнике Зуева-Ордынца обрываются в 1967 году. Но они тоже полны огромной человеческой печали и горя. Так, 25 февраля 1967 года Михаил Ефимович пишет:

"Замучила меня депрессия. Едва выкарабкаешься из приступов, как снова провал в черную бездну безысходной тоски, отвращения к жизни, физического бессилия. Частенько начала посещать меня эта черная, мрачная гостья".

Последняя запись сделана 16 марта 1967 года. Она заканчивается фразой: "Не изжита еще сталинщина..."

Чтобы глубоко понять страдания писателя, брошенного в самую бездну сталинского ада, прожившего большую часть своей жизни под эковским номером № 179888, надо помнить и чтить его, читать его дневники и книги. Из мрака забвения сегодня к нам возвращается тот, кто достоин большой памяти за свое стремление говорить правду, приносить людям большие моральные ценности, культуру бытия и творчества.

Глава IX

И Хоружая была «врагом народа...»

Работники архива Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области только сейчас начинают находить новые имена знаменитых людей с трагическими судьбами, которые волей Сталина и ему подобных были сосланы в свое время в известный Карлаг.

Мало кто знает, что на вольном поселении в Караганде отбывал свой срок за правозащитную деятельность младший сын замечательного русского поэта Сергея Есенина Александр. Его мать, поэтесса Надежда Давыдовна Есенина-Вольгин и поныне живет в Москве. Её сын Александр с детства отличался редкой душевной добротой, оригинальностью характера, способностью постоять за правду. Он окончил в свое время Московский университет, защитил кандидатскую диссертацию. В 1949 году Александр был неожиданно арестован, несколько недель его содержали в тюрьмах, затем по указанию Берии отправили на вольное поселение в Караганду. Освободили его и реабилитировали лишь после смерти Сталина, а более точно в 1956 году.

Но на этом не закончились трагические страницы незаслуженно преданного анафеме сына Есенина. За организацию митингов в поддержку А.Синявского и Ю.Даниэля Александр Сергеевич был выдворен из СССР. В Москве на Белорусском вокзале его провожал академик Сахаров.

Как мы знаем, вскоре пострадал и сам Андрей Дмитриевич. Он был лишен всех правительственных наград и без

суда выслан в Горький. Во время ссылки академика в городе на Волге за рубежом была учреждена "Сахаровская премия". Первому ее присудили за деятельность по защите прав человека в СССР Александру Сергеевичу Есенину.

Надо сказать, в годы сталинизма трагически оборвалась жизнь второго сына Сергея Есенина - Юрия. Он родился в 1915 году, окончил авиационный техникум, работал в конструкторском бюро А.Тунолева. По ложному доносу 22-летнего юношу арестовали и в 1937 году расстреляли.

Многие удивятся, когда узнают, что и легендарная Вера Хоружая как «враг народа» отбывала срок в Карлаге.

В свое время я опубликовал о ней ряд корреспонденций. А недавно в архивах Карагандинской области нашел новые неопубликованные материалы о Хоружей, которые во многом изменяют стереотип ее образа, созданный на страницах газет и журналов.

Наномню, что Хоружая уже в 17 лет активно работала над созданием комсомола Западной Белоруссии. Полиция напала на след Веры, и ее на несколько лет заточили в польскую тюрьму. В сентябре 1932 года Советский Союз обменял ее на какого-то ксендза, и она возвращается на родину, где по собственной воле или, как писали в газетах, по зову сердца едет на стройку нятилетки - в Балхаш.

Все в этой биографии - правда. Как правда и то, что в 1930 году Президиум ЦИК, принимая во внимание заслуги Хоружей перед революционным движением Западной Белоруссии, наградил ее орденом Красного Знамени. Книгу Хоружей "Письма на волю", написанную в тюремных застенках в Польше, высоко оценила Надежда Крупская, которая в 1932 году в рецензии, опубликованной в "Правде", писала: "Столько жизни, молодости, энергии в этих письмах, стремления к победе... Шесть лет бьется молодая воля о решетки польской тюрьмы и не сдаётся".

Казалось бы, жизнь ее после выхода из фашистских застенков будет счастлива и безоблачна. Именно так и изображают в книгах и публикациях ее советский период жизни. На самом деле это не так. Сразу же после публикации Круной в "Правде" на голову Хоружей обрушивается поток грязи и клеветы. Кто был организатором многочисленных черных доносов и анонимок, теперь не

установить. Доподлинно известно одно: в то время Крупская попала в немилость к "вождю народов" Сталину, и все, кого она любила и поддерживала, стали ирследовать-ся.

Под подозрением оказалась и Вера Хоружая. Дошло до того, что ее исключили из партии "за непартийное поведение... в польской тюрьме". В чем оно выражалось, до сих пор остается загадкой.

Как-то я разыскал адрес живущей в Москве иодруги Веры Хоружей по Виленской тюрьме, пенсионерки Елизаветы Самойловны Хотулевой. Она свидетельствует, что дело на Хоружую было шито грязными нитками... Она вела себя в польской тюрьме, как подобает мужественному человеку, никого из товарищей ио подполью в Заиадной Белоруссии не выдавала.

Рассказывая о бесстрашии Веры, Елизавета Самойловна описывает ее как человека доброго, внимательного к товарищам: "Как-то Вере прислали полушубок и валенки. В то время в тюрьме всиыхнула голодовка нолитических, в которой приняла участие и я. Затем меня положили в тюремный госпиталь. А когда я вериулась в камеру, Вера решила отдать свою теплую одежду мне. Я была в тюрьме самая молодая, мне было только 17 лет. Но я не подчинилась ее приказу, так как она была сильно просту-жепа.

Вскоре у Веры появились первые признаки туберкулеза. Несмотря на это, она продолжала вести в тюрьме агитационную работу среди арестованных".

Надо сказать, что Крупская проявляла большую заботу о Вере Хоружей. Именно по ее инициативе Веру вызволили из неволи.

Существует несколько версий о причинах исключения Веры из партии. Самая вериая, иа мой взгляд, та, что она в открытую говорила о преследовании Сталиным старых партийцев, в том числе и Крупской. В архивных документах все это спрятаио за ширмой шаблонных фраз.

В протоколе № 107 от 3 октября 1939 года заседания бюро Балхашского ГК КП(б) читаем: "Исключалась из партии за неиартийное поведение в польской тюрьме... и за сокрытие своего социального происхождения при переводе из кандидатов в члены партии". Однако это гнусная ложь! Еще в январе 1935 года партколлегия КРК Белоруссии и КПК при ЦК ВКП (б) устаиовили, что Хоружая (ци-

тирую дословно): "своего соц. происхождения не прятала и в течение семи лет заключения в польской тюрьме вела себя достойно члена партии". В этом же году КРК при ЦК ВКП(б) восстановила Хоружую в партии.

Сколько сил это стоило Вере Захаровне! Подхалимы Сталина травили ее, как могли, капля за каплей подтачивая здоровье, и так подорванное в фашистской тюрьме. Чтобы оторваться от преследователей из НКВД, по совету товарищей она едет в Балхаш. В архиве области сохранились материалы по проверке документов за 1936 год. Среди них - список членов и кандидатов в члены ВКП(б) районной парторганизации "Прибалхашстроя", прошедших проверку партийных документов. Под номером 135 числится Хоружая Вера Захаровна, 1903 года рождения, служащая, белоруска. Принята в партию Минским горкомом партии в декабре 1921 года.

В Балхаше она работала вначале инструктором райкома партии, затем секретарем партийного комитета отдела главного механика "Прибалхашстроя". Балхашцы полюбили Веру Захаровну за прямоту и высокую принципиальность, чуткость и отзывчивость. Особое внимание она уделяла воспитанию молодых рабочих. В протоколе второго пленума Прибалхашского райкома партии от 31 мая 1937 года, на котором в известке дня стоял вопрос о практических мероприятиях по партучебе и агитации, я нашел короткое изложение выступления Веры Хоружей. Рассказывая о накопленном опыте работы с людьми, она отмечала, что "изучение международных вопросов представляет известные трудности, и, по-моему, поэтому наши товарищи берутся за него с некоторым холодком". Далее предлагала поставить во главе кружков опытных, компетентных пронагандистов, чтобы они могли объяснять внутреннюю и внешнюю политику страны доходчиво и ясно, так, как это умеет делать Н.К.Крупская.

Как видим, Вера с большой страстью выполняла роль комиссара, во всем беря пример с Крупской, подражая ей и участь у нее. В то же самое время в ее выступлениях того времени мы не найдем ни одной цитаты из трудов И.Сталина. И это использовали ее завистники, составляя на нее все новые гнусные анонимки, рассылая их вплоть до ЦК...

Именно в Балхаше Хоружую второй раз исключили из партии. Об этом свидетельствует решение бюро Прибалхашского райкома КП(б) от 1 сентября 1937 года. Читаю

и глазам своим не верю: "Хоружую как разоблаченного и арестованного врага народа из рядов партии исключить". И подпись: "Секретарь Прибалхашского РК КП(б) Назаренко".

Вера Захаровна была арестована ежовско-бериевскими органами и просидела под следствием более двух лет, до августа 1939 года. Вначале ее держали в Карлаге, а затем в тюрьмах Белоруссии.

Как и в 1932 году, о Хоружей хлопотали старые коммунисты. Только раньше ее вызволяли из фашистских застенков, а теперь - из сталинских. В конце концов Вера была освобождена из-под стражи за недоказанностью обвинения. Об этом говорит справка № 452 от 14-15 августа 1939 года, выданная военным трибуналом Белорусского военного округа.

Правда восторжествовала: 3 октября 1939 года состоялось заседание бюро Балхашского горкома партии, которое положительно рассмотрело заявление Хоружей о восстановлении в партии как оправданной судебными органами. Тут же она снялась с партучета и выехала в Москву.

Скупые строки архивных документов поведали мне о больших моральных муках Хоружей, незаслуженно оклеветанной в годы сталинизма. И, конечно, о большой силе воли Веры Захаровны. Несправедливое к ней отношение, преследования она вынесла мужественно, не отказавшись от идеалов Родины. Вот почему в годы Великой Отечественной войны Вера Захаровна возглавила Витебское подполье.

Ее группа нанесла много вреда врагу. Несколько раз она вызывала самолеты на бомбежку вражеских объектов, организовала ряд диверсий. Однако вскоре подпольщиков арестовали, через несколько дней расстреляли. Вера Захаровна Хоружая погибла как герой. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 17 мая 1960 года за активное участие в революционной деятельности и проявленный героизм в борьбе против фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны присвоил Хоружей звание Героя Советского Союза.

А что стало с семьей? Ее муж Сергей Гаврилович Корнилов погиб в бою с фашистами под Пинском 4 июля 1941 года. Сестра Веры, Надежда Захаровна, воспитала ее детей - сына Сергея и дочь Аню. Сын окончил с отличием

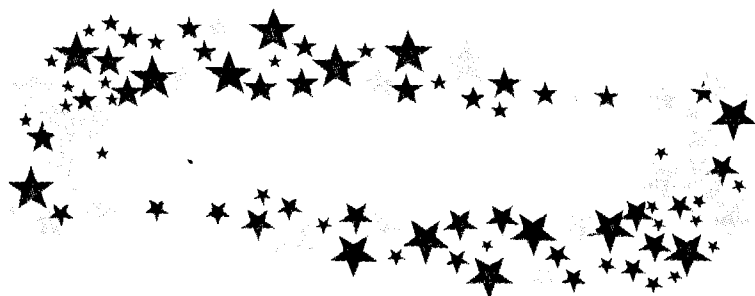
физический факультет Московского университета, стал ученым. Аня также с отличием окончила академию имени К.А.Тимирязева, сейчас работает научным сотрудником на плодовой опытной станции академии. Живы обе сестры Веры Захаровны Хоружей - до ухода на пенсию Надежда Захаровна работала в детской поликлинике, а Любовь Захаровна - учительницей.

Старший брат - Василий Захарович - агроном, живет в Москве неподалеку от сельскохозяйственной академии.

Видимо, и в Беларуси, и в столице России, и в Казахстане в городе Балхаше еще живут люди, которые работали вместе с Хоружей, помнят ее. Их воспоминания смогли бы пролить новый дополнительный свет на образ славной разведчицы. Все, что связано с именем Веры Захаровны Хоружей, должно быть сохранено для потомков.

Остается добавить, что в свое время балхашцы на собранные средства соорудили памятник Вере Захаровне Хоружей в Балхаше на территории горно-металлургического комбината, который нынче выкупила южно-корейская фирма "Самсунг". У подножия этого памятника всегда можно увидеть букеты живых цветов, особенно много красно-пунцовых гвоздик.

Глава X

Возвращаются из забвения

В свое время я сообщал в республиканской газете "Казахстанская правда" о потрясающем факте: известный мастер кисти Геирих Фогелер, человек с мировым именем, скопчался во мраке неизвестности в селе Корнеевка Карагандинской области: надломленный, без средств к существованию и творчеству. Парадокс: величайший антифашист пострадал... от антифашистов. Это могло произойти только в эпоху сталинизма, которая преданнейших социализму людей превращала во врагов.

Годы пребывания Фогелера в Корнеевке долгое время скрывала сталинская охранка, но, как говорят, правда сильнее солнца: она все равно рано или поздно пробивает тьму неизвестности и несправедливости. Периодом жизни Фогелера в Корнеевке заинтересовались многие зарубежные журналисты и писатели.

Интерес к этой оригинальной личности привел и меня в Корнеевку. И передо мной открылись новые факты из жизни замечательного художника на казахстанской земле.

Как же поимал Фогелер в Корнеевку?

Местные старожилы помнят специальный указ Президиума Верховного Совета бывшего СССР о ликвидации АССР немцев Поволжья, санкционированный Сталиным. Принимался указ без детализации, и этим сразу воспользовались рьяные его исполнители из НКВД. Немцы были не просто эвакуированы, а выселены (известно, что между статусом эвакуированных и выселенных большая разли-

ца). Причем, выселены были не только из районов Поволжья, но и из всех европейских сел и городов, включая Москву. Многие из них понаехали в Сибирь, а большинство в северные и центральные отдаленные районы Казахстана. Выселяли всех подряд, без разбору, и отправляли на так называемый "трудовой фронт". Сотни их попали в Корнеевку и близлежащие села ныне Бухаржырауского района. Тут было и голодно, и холодно, ссыльные подвергались унижениям... Многие не выдерживали. На корнеевском кладбище десятки так называемых братских могил. Забывали даже установить табличку, кто здесь похоронен.

С большой группой ссыльных попал в Корнеевку и Фогелер. Еще совсем недавно он был в зените славы, в мае 1941 года Москва восторженно приняла выставку его работ. И вдруг - чрезмерная, неоправданная жестокость, только потому, что он - немец...

В списках спецпереселенцев бывшего Ворошиловского района за 1942 год трижды упоминается фамилия Фогелера. Биографические сведения о нем не очень богаты:

"Фогелер (Фогель) Генрих Эдуардович. Немец. Год рождения 1872. Место рождения - г.Бремен, Германия. Профессия - художник. Академик. Социальное происхождение - купеческое, образование высшее, беспартийный".

Давно я знаю бывшего председателя Ворошиловского райисполкома, ветерана труда, пенсионера Прокофья Авксентьевича Хлебова. Ему сейчас 90 лет, но он сохранил хорошую память, живость общения с людьми.

- Эшелон немцев-спецпереселенцев из Москвы прибыл на станцию Нуриискую, - всиоминал Хлебов. - Оттуда мы людей отиравлиали в колхозы. Помню, 17 сентября 1941 года наш райисполком рассмотрел вопрос: "О руководстве приема, размещения и устройства немцев". Была создана специальная комиссия, я ее возглавлял. Мы определили, сколько переселенцев направлять в тот или иной колхоз. В среднем получалось где-то по 150 человек на одно хозяйство. Генрих Фогелер вместе с другими переселенцами попал в колхоз "Первое Мая". Для их перевозки и багажа было собрано более 30 подвод, из расчета 5 человек на подводу. Тягловой силой, в основном, были быки. Детей, больных, престарелых перевозили на конских брличках... Устраивали их в селе к кому попало. Ведь специальные помещения - общежития для спецпереселенцев - не были подготовлены. Указ-то Сталина был неожидан-

ным, честно говоря, мы к приему переселенцев не были готовы.

В Корнеевке я разыскал свидетелей пребывания Фогелера в Казахстане. Один из них - пенсионер Василий Платонович Лукьяненко, который и поныне живет в Корнеевке по адресу: улица Тракторная, 3. Именно в его доме и жил Фогелер. В то время у Василия Платоновича и его супруги Александры Дмитриевны было десять детей, из них пятеро сыновей.

- И все же мы выделили Генриху Эдуардовичу отдельную комнату, - рассказывал Василий Платонович Лукьяненко. - Договорились, что он будет выплачивать нам за постой и питание ежемесячно по 150 рублей. Как политическому эмигранту ЦК МОПР СССР назначил Фогелеру пенсию в размере двухсот рублей. Вот на эту "академическую" пенсию и рассчитывал художник... Но, увы, он ее так и не получил. А нам не хотелось тревожить его с оплатой, хотя время было суровое, голодное. Но мы понимали, без нашей помощи переселенцам не выжить, вот и делились с Фогелером последним куском хлеба...

- Каким был в то время Генрих Эдуардович, как он выглядел?

Отвечая на этот вопрос, Василий Платонович Лукьяненко сказал:

- Был он тихим, молчаливым. С карандашом никогда не расставался: то письма писал, то делал небольшие рисунки...

- Сохранились ли рисунки Фогелера? - спросил я.

- О судьбе их я ничего не знаю, - ответил Лукьяненко. - Чувствовал себя наш постоялец плохо, болел, кашлял... Видимо, рисунки отправлял сыну в конвертах... Ранней весной скончался, мы его на корнеевском кладбище схоронили.

Да, 14 мая 1942 года семидесятилетнего Генриха Эдуардовича Фогелера не стало. Но удивительное дело - созданные им в Москве картины продолжали бороться против фашизма, против войны. Многие из них послужили основой для плакатов и листовок. Известно, что еще в 1934 году в Москве вышла книга "Два мира", в которой были опубликованы 34 карикатуры Фогелера под заголовком "Третий рейх". И не случайно в "особом" списке гестапо среди тысяч немецких антифашистов, подлежащих казни, числилось и имя Генриха Фогелера.

Я навестил дом, в котором провел свои последние дни Фогелер. На нем обычная табличка: улица Тракторная, 3. А сколько ни искал глазами мемориальную доску, не нашел.

К счастью, в Корнеевке я встретил немало энтузиастов, разыскивающих материалы о Фогелере. В местной школе по инициативе пенсионерки - учительницы Анны Густавовны Гропп и дочери Маргариты Иосифовны Вольф, которая пошла по стопам матери, - преподает немецкий язык в школе, создан отряд юных следопытов по изучению жизни и творчества знаменитого художника. Анна Густавовна показала мне книгу немецкого писателя Вернера Хомана "О жизни Фогелера (1932-1941 гг.)".

Оказывается, В.Хоман неоднократно бывал в Корнеевке, подарил школьникам свою книгу. Весь путь Фогелера, одного из лучших мастеров стиля модерн (имя его входит во все учебники мира по этому направлению искусства), предстает в этой книге.

Но у нее не было конца - до самого последнего времени пребывание Фогелера в Корнеевке было покрыто мраком забвения. Вспомним, что сюда были сосланы не только Фогелер, но и художница Гейнц, фармацевт Маркус, инженер-механик Пальм и многие другие. Вместе с Фогелером в Корнеевку прибыло 150 немцев-ссыльных. Среди них и учительница немецкого языка, уже названная Анна Густавовна Гропп.

- Я не могла знать, что вместе с нами окажется сам Фогелер! - волнуясь, вспоминала она. - Людей немецкой национальности в селе было много. Знакомиться мы начали не сразу, боялись НКВД. Сколько полезного, героического могли бы мы сделать на фронтах Великой Отечественной войны, сражаясь против фашизма плечом к плечу с остальными. Но Сталин решил иначе, и это так унижало, что даже не хотелось жить...

Недавно в музее Фогелера, созданном в сельской школе, появилось несколько новых документов из наследия художника. Среди них - дневниковые записи, сделанные Генрихом Эдуардовичем в Корнеевке, его последнее письмо сыну Яну.

Цитирую: "Любимый Ян! Десять лет назад началась моя интенсивная антифашистская работа. Это выход сборника карикатур для Коминтерна под заголовком "Третий рейх". Картина "Белый террор" была как бы предислови-

ем этой вещи. Когда началась война против советской страны, я стал работать по составлению листовок с текстом и рисунками и по радио обратился с призывом к немцам Германии. Работу над листовками продолжаю, высылаю их в политическое управление Академии имени Фрунзе.

Я послал также много заявлений относительно моей пенсии, которая мне жизненно необходима. Шесть месяцев я уже без всяких средств при маленькой поддержке, которую эвакуированные мне оказывают, а одно время приходилось питаться только водой. Но пенсии все нет и будет ли? Я болен, я без средств, мое положение вряд ли облегчится, наступает катастрофа.

Мое гигиеническое состояние можно описать как плохое. Мое состояние, как у старой паршивой собаки, которая ожидает смерти. При этом я чувствую тягу к труду и опечален, что нахожусь так далеко от вас. К нашим руководящим работникам ни проникнуть, ни попасть сегодня невозможно. Из своего опыта я знаю, что эти люди бесконечно загруженные. Как и вожди нашей партии и правительства, они заботятся об участи своего народа, а не об одиноком человеке, который может и хочет стать снова трудоспособным, несмотря на свои 70 лет.

Любимый Ян, Соня, примите мой привет, может быть, последний. Г.Фогелер."

Это письмо увидело свет только сейчас, спустя полвека после его написания.

По настоянию сына Г.Э.Фогелера Яна Фогелера, доктора философских наук, профессора Московского университета, на корнеевском кладбище был установлен памятник художнику-антифашисту.

Проваливаясь по пояс в сугробы, я еле добрался до него. Долго стоял у покрытой льдом гранитной доски, на которой было высечено имя Г.Э.Фогелера. История многие десятилетия хранила тайну ссылки и кончины великого художника, но жизнь взяла свое.

Остается добавить, что по инициативе председателя областного общества Видергебурт, депутата маслихата области Виктора Эдуардовича Киста в Караганде также сооружен памятник Г.Э. Фогелеру. Он высечен из огромной глыбы гранита умелой мастеровой рукой известного карагандинского скульптора Анатолия Петровича Билыка.

Конечно, не только Фогелер сейчас возвращается из заб-

вения. Ибо память людей нетленна. Нынешний ректор Карагандинского университета бизнеса, управления и права Казбек Абылкасович Сагинов в пятидесятные годы учился в областной музыкальной школе. И он вспомнил добрым словом многих репрессированных советских немцев, которые преподавали в ней. Учился Сагинов у талантливого немецкого музыканта и педагога Александра Осиповича Кнауба, который был выслан в годы Великой Отечественной войны в Центральный Казахстан. Александр Осипович стал одним из создателей фортепианной школы в Караганде. Он любил играть произведения Бетховена, Шопена, Рахманинова. Во время его концертов зал всегда был переполнен.

Остался в памяти Сагинова и Владимир Яковлевич Кратц, ведущий педагог музыкально-теоретических дисциплин. Его уроки всегда проходили интересно, живо. Он не терпел неаккуратности и сильно огорчался, когда ученики приносили грязно написанные работы по сольфеджио... А Элла Рихардовна Майер, Вальтер Давыдович Роот? Очаровательная Евгения Петровна Вельман? Она училась в Москве, дружила с композитором Я.А. Столяром, который прославился музыкой к кинофильму «Путевка в жизнь». Но окончить Московскую консерваторию Вельман не удалось: началась война, и она оказалась в трудармии в Караганде, работала истопником, жила в грязных бараках, пока ее ни пригласили работать в музыкальную школу. Не забыть имя Тамары Спиридовны Шейнех, певицы, получившей прекрасное музыкальное образование в московской консерватории. Она пела в оперных спектаклях, на концертах с выдающимся С.Я. Лемешевым. На выпускном балу была представлена самому Федору Ивановичу Шаляпину... В годы войны этапом отправлена в Осакаровку, работала скотницей, затем посудомойкой. Поистине пути господни неисповедимы. Но Тамара Спиридовна выдержала все горькие испытания, выпавшие на ее долю, и после войны преподавала в музшколе, воспитала многих прекрасных певцов с отличным вокалом.

Нынешний педагог областной музыкальной школы по классу фортепиано Белла Михайловна Сидорова говорила мне:

- Я горжусь тем, что работаю в школе, где преподавали крупные звезды музыкальной культуры. Сейчас их имена на слуху у всех, но, конечно, в годы сталинизма горя хлеб-

нули они немало. Не всем удалось пройти сквозь пекло ссылок и лагерей Берии. Но повествовать о них необходимо.

Безусловно, невозможно в одной книге рассказать о всех тех самообытных талантливых людях, кто по воле подопечных Сталина оказался на архипелаге Гулаг. Но стремиться к этому надо. Без воспитания неаивисти к тоталитаризму не может быть и речи о любви к Родиие, ныне демократической и свободной.

И большая забота о пострадавших от политических репрессий, сохранении иамяти о нашем мрачном и трагическом прошлом, героизме жертв сталинского террора должна стать нормой нашей жизни. Об одном приходится сожалеть, что это делается пока еще медленно. О том мои стихи:

*Все, что было, то прошло.
Не вернется снова.
Злым останется назло
Только правды слово.
И на счастье всем, кто добр,
Будет правды слово.
Ведь оно живет, как бор, —
Жизни всей основа.
Правда вечною сльвет.
Так всегда пребудет.
Ну а слово раздает
Эту правду людям.
Злым — позор за их дела,
Добрым — славы фразы.
Правда есть, о том молва.
Жаль, придет не сразу.*

Глава XI

"И боль разлуки..."

Несколько лет тому назад карагандинская учительница, пенсионерка Дина Акимовна Климова уехала в Магадан, чтобы помогать 80-летию знаменитому певцу Вадиму Алексеевичу Козину, который нуждался в сестринском уходе. Уехала да так и осталась навсегда в дальневосточном городе.

В 1994 году перестало биться сердце опального "Орфея". Семь лет без Козина...

Я постоянно переписываюсь с Диной Акимовной, пожертвовавшей своей уютной жизнью в Караганде ради Вадима Алексеевича. В последнем письме она мне сообщила, что создала в Магадане музей Вадима Алексеевича Козина, яркой звезды советской эстрады 20-30-х годов, кумира многих знатоков искусства. За долгие годы переписки с Козиным, жизни с ним в Магадане Дина Акимовна собрала сотни уникальных материалов о знаменитом певце... Есть в музее даже снимки 30-х годов: с теа-танц-джазом Леонида Жукова, портрет Козина тех времен. Кстати, на этой огромной фотографии автограф артиста с дорогой для Дины Акимовны надписью: "На долгую память моим дорогим карагандипцам".

Известно, что, хотя имя Козина котировалось очень высоко даже за рубежом, судьба его в СССР сложилась трагично. Правда, вначале он пользовался большой благосклонностью "великого кормчего пародов" и однажды даже был приглашен к нему на ужин для выступления. Иосифу Вис-

сарионовичу очень понравились "Псковские страдания" Козина, и он с иронией повторял куплет из этой песни:

*"Ритатухи ходил к Нюхе,
Нюха жила в пологу.
Нюха девочку родила,
Больше к Нюхе не пойду".*

Во время того памятного выступления Козина Сталин, склонившись к Берии, сказал:

- Хорошо поет, с душой. Пусть поет!

Видимо, уже тогда над певцом сгущались тучи. Критики нещадно громили его за мещанство, которое проявлялось в том, что он исполнял цыганские и городские романсы. "Где же патриотические песни? - вопили критики на страницах газет. - Наконец, где песни о Сталине?"

Но петь о "великом кормчeм" Козин не захотел. И его стали постепенно зажимать, вытеснять с подмостков эстрады, хотя заявки на концерты Вадима Алексеевича росли не по дням, а по часам. Журнал "Советская музыка" в 1940 году писал: "Поляриики и командиры, дальневосточники, рабочие и колхозники, служащие и красноармейцы требуют выступлений Вадима Козина..."

Несмотря на рост популярности, он выступал все реже. Но его крепко поддерживали друзья, особенно певицы Елизавета Борисовна Белогорская, Тамара Церетели... Елизавета Борисовна предложила Козину свои стихи, и он написал на них новые песни "Ну, улыбпись, мой милый", "Вам 19 лет", "В лучах луны", "Очень прозрачное утро..." Последняя песня-танго так полюбилась людям, что вскоре Козина пригласили на студию грамзаписи, где он записал ее с ансамблем под управлением Я.Хаскина. Кстати, эта уникальная теперь пластинка хранится в фонотеке Д.А. Климовой. А вообще ей удалось собрать коллекцию около трехсот его пластинок.

Это тем более удивительно, что с сороковых до середины 80-х годов на запись Козина было наложено "табу". В СССР за это время в свет не вышло ни одной его пластинки. Зато в США и Англии выходили диск за диском... И только в последние годы жизни Козина почитатели таланта пробили брешь в айсберге холодного отношения к искусству певца и в 1985 году фирма "Мелодия" выпустила первый диск с песнями, которые исполнял опальный "Орфей".

Почему же Козин попал в полосу черного забвения? Как я уже говорил, он никогда не пел песен о Сталине, был самостоятелен в выборе своего репертуара, не изменял народной и цыганской несням, которые в то время преследовались. Чиновники-администраторы искали любого повода, чтобы отделаться от него. Но не находили...

Началась Великая Отечественная война, и авторитет артиста в народе еще более окреп. Козин пел полюбившиеся людям песни "В лесу прифронтовом" М.Влантера, "Тучи над городом встали" П.Арманда, свою новую "Жди меня" (на слова Константина Симонова)... А тут еще знаменитое приглашение Уинстона Черчилля. Да, да, в конце ноября - начале декабря 1943 года состоялась Тегеранская конференция глав правительств трех союзных государств: США, СССР и Великобритании. Как раз 30 ноября у Черчилля был день рождения. И он решил собрать на свое торжество самых выдающихся артистов - звезд мировой эстрады: Марлен Дитрих, Мориса Шевалье, Изу Кремер и Вадима Козина. Когда Черчилль попросил Сталина доставить на его день рождения Козина, тот, не говоря ни слова, сразу отправил за ним в Москву спецсамолет. Настроение у Сталина было великолепным, ведь по всем пунктам переговоров договоренность была достигнута отличная.

Казалось, после такого взлета Вадима Козина (не каждому ведь дано иметь мировое признание) не будут трогать так называемые органы госбезопасности. Ан, нет. В конце 1944 года ему все же умудряются пришить "измену Родине" якобы за попытку побега за границу. Куда? Конечно же, в Англию, к Черчиллю. Откуда? Из Хабаровска, где он давал концерты в польском корпусе. Вот якобы с этим корпусом и должен был сгинуть с российской земли Козин.

В полосатом тюремном костюме на Лубянке Козин дал свой последний концерт в Москве чекистам. И никто, никто из них не встал, не поднялся на его защиту! Правда, на глазах некоторых офицеров блестели слезы... Они их прикрывали ладонями.

Отбывая срок в Магадане, Вадим Алексеевич еще раз почувствовал, как бывает неоценима дружба, поддержка родственников, товарищей, поклонников его таланта. Правда, многих из них не стало. Легендарная лучезарная красавица, поэтесса и певица Елизавета Борисовна Белогорская во время войны понала в оккупированный фашиста-

ми Пятигорск и покончила с собой... В городе на Неве в блокаду от голода умерли его мать и сестры. Но появлялись новые друзья, единомышленники, поклонники, влюбленные в песни Козина горячо и страстно. Среди них - учительница из Караганды Дина Акимовна Климова. Пятьдесят лет тому назад она впервые услышала его голос, и поклялась себе, что рано или поздно найдет Козина. Так оно и случилось - узнав, что ее кумир живет в Магадане (в середине 50-х годов Вадим Алексеевич был освобожден из сталинских лагерей смерти "из-за отсутствия состава преступления", но вернуться в Москву не захотел), Дина Акимовна берет авиабилет на Колыму, разыскивает квартиру Козина и... признается ему в любви. Вадим Алексеевич оказался очень общительным, хлебосольным человеком. Он много пел, играл на фортепиано. С тех пор Дина Акимовна стала ежегодно бывать в гостях у Козина в Магадане, переписываться с ним. А когда Вадим Алексеевич попросил ее в письме, чтобы приехала в Магадан навсегда, не раздумывая, покинула Карагаиду.

В Магадане Вадим Алексеевич подарил Дине Акимовне свой личный самовар, с которым не расставался более пятидесяти лет.

- Возле этого самовара со мной пивали чай Евгений Евтушенко, Владимир Высоцкий, Олег Лунгстрем, Владимир Винокур, - говорил Вадим Алексеевич. - Всех не перечислить, кто бывал у меня в гостях в Магадане. Береги мое сокровище, Динушка, оно еще послужит людям.

И самовар, действительно, служит... Вокруг него Дина Акимовна собирает поклонников "опального Орфея". Хотя имя В.А.Козина занесено в академическую музыкальную энциклопедию 1990 года, его песенное наследие, увы, пока остается в забвении. Дина Акимовна создала в Магадане Союз друзей Вадима Козина. Она писала мне:

"Магадан на краешке земли. Но песни Вадима Алексеевича должны звучать на весь мир. Ведь они несут людям радость, нежность, любовь. Они объединяют близких по духу, ирреданных отечественной эстраде людей. Когда я включаю магнитофон с записями песен Козина, то мне кажется, что не только человек с человеком, звезда с звездой говорит..."

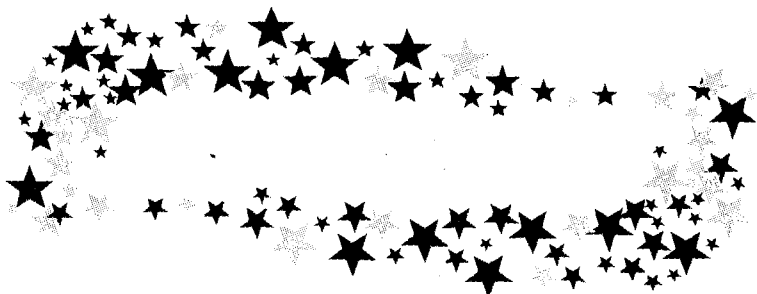
Недавно в Караганде местный Союз писателей провел творческий вечер, посвященный памяти великого "Орфея". Вспоминали историю любви Дины Акимовны к Козину,

читали ее письма. Слушали записанные на магнитофоне пленительные старинные романы в исполнении Вадима Алексеевича. А что может быть чудесней тех мгновений, когда поет Козин!

Помню, в Москве в газете «Труд» в 2000 году опубликовали мой очерк «Пел Орфей па Лубянке», посвященный памяти В.А. Козина. Дина Акимовна Климова сразу позвонила из Магадана в Караганду, поблагодарила меня за строки любви к Вадиму Алексеевичу. А мне неожиданно вспомнился пасмурный тоскливый день в городе. Тогда я лежал в больнице, тяжелый остеохондроз приковал меня к койке. Преодолевая адские боли, я едва двигался. И вдруг увидел Дину Акимовну. Она пришла навестить меня, принесла кассету с записями песен Козина, нежную алую розу. И после этого я стал быстро выздоравливать. Роза долго стояла в графине с водой у моей кровати на столе. И я написал стихи:

*Ну нет, смертям не покорюсь,
Жестоким ливням, гулким грозам,
Несчастью тихо улыбнусь,
Ведь так прекрасна ваша роза.
Она лишь час была в руках.
Но память, друг, о ней так вечна!
И жизнь моя уж не в слезах,
А в этих милых лепестках,
Что сердцу любви бесконечно.
И песни Козина живут,
Меня пленяя бесконечно.
Они опять к любви зовут.
Они, как розы, тоже вечны.*

Глава XII

Давно забытые письма...

В Караганде недавно тихо и незаметно скончалась вдова известного талантливой редактора, писателя Генриха Леопольдовича Эйхлера, врач-хирург Нина Федоровна Ходня. Она долгие годы хранила бережно и любовно огромный архив Эйхлера.

К сожалению, пока ещё никто не проявил интереса к богатому наследию Генриха Леопольдовича. А ведь это - артерия, живительная и дыхательная, для исследователей творчества многих писателей XX века.

Архив Эйхлера... Вмеее с местным поэтом Аркадием Матвеевичем Фринляндом я, волнуясь, входил в квартиру скончавшейся вдовы Нины Федоровны Ходни. Что сразу поразило - обилие книг. Очень много произведений Константина Паустовского, а его "Книга скитаний" лежала на письменном столе Эйхлера. И открыта она была на той странице, где Константин Георгиевич писал: "Если собрать воедино все дни, потраченные на написание "Кара-Бугаза", то в общем получится, что написал я его быстро, - месяца за три. Издало его Детское издательство. Редактором был бывший балтийский моряк, эстонец Генрих Эйхлер. Его хорошо помнят все так называемые "детские писатели" старшего поколения. Он всем им сделал много добра. В начале войны он был сослан под Караганду и там вскоре умер. Сослали его потому, что кто-то донес, будто он не эстонец, а немец".

Этот абзац был подчеркнут карандашом вдовы Эйхлера. "Книга скитаний" была написана Паустовским в 1963

году. История долго хранила тайну ссылки Эйхлера в карагандинские края, и впервые ее раскрыл Паустовский. Но уже после кончины своего друга.

А о том, что они крепко дружили, желали добра друг другу, свидетельствуют пять писем Паустовского Г.Л. Эйхлеру из забытого архива Генриха Леонольдovichа.

Первое письмо датировано 2 декабря 1935 года. Оно было выслано Эйхлеру в Москву из Севастополя.

Вот оно :

"Генрих, дорогой, спасибо за деньги и за письмо - вы меня, как всегда, выручили. Конечно, я свинья, что не пишу Вам, но я работаю бешено, время в работе идет стремительно и писать обстоятельно - очень трудно. Поэтому - не сердитесь!

В Москву ехать не хочется - Вас там поносят и давят в зашлепанных трамваях, а здесь зимние штили, теплота, солнце, за окнами, когда я сижу, проходят в море корабли...

Привет всем. Не болейте и не работайте, как всегда, сверх сил.

Всего хорошего. Ваш К. Паустовский".

Второе письмо было выслано Эйхлеру в Москву 4 января 1937 года из Ялты.

"Генрих, дорогой, получил Ваше письмо - единственное, других не было. Я очень радуюсь Вашим письмам - из них я во много раз больше узнаю о московской жизни и московских настроениях, чем из десятков других писем - то мертвых, то полных наскучившего острословия.

О Москве я думаю со страхом и отвращением. Я люблю Москву. Я останусь здесь не меньше, чем до половины февраля, - в Москве мне делать нечего, если не считать делами всякую нудную и утомительную возню с мелочами. Поэтому Вы успеете прислать мне "Черное море" и ещё несколько писем. Я не уеду отсюда, пока не окончу книгу.

Здесь чудесно, - солнце, влажная теплота, море и тишина. Было бы лучше всего, если бы Вы бросили московскую муру, приехали бы сюда и здесь писали бы свой "Дневник". Подумайте. Из писателей здесь никого нет, - несколько татар, Ермилов, Чулков, очеркисты из "Наших достижений".

Я очень тороплюсь отправить это письмо сегодня и потому кончаю. О здешней жизни напишу отдельно. Вале-

рия Владимировна часто вспоминает Вас и шлет Вам привет. Привет жене. Очень бы хотелось именно сейчас с вами увидеться, Генрих.

Привет друзьям. Целую Вас .- К.Паустовский."

Третье письмо Константина Георгиевича было из Ялты, датировано: 24-1-1937 года.

"Генрих, дорогой, вчера получил Ваше письмо. Мне очень жаль, что Вас нет в Ялте, у моря, - на днях выпал густой снег, стоит мягкая приморская зима, много серебра, солнца, блеска и тишины. Перевалы закрыты, мы почти отрезаны от мира. На море - зеленый веселый шторм, из моей комнаты слышно, как ревет прибой и на маяке все время звонит колокол, - над морем мгла. В воздухе пахнет весной. Мы бы побродили здесь и поговорили о многом. Вы грустите, - это плохо, но, очевидно, естественно и неизбежно. Я тоже грущу, несмотря на то, что в личной жизни я, должно быть, очень счастливый человек. Но ведь этого мало. Я грущу о скромности, о мудрости, о хорошем вкусе (вспоминаю джаз, гопак и лезгинку) и хотя бы элементарной культуре во всем, в том числе и в человеческих отношениях. Этого нет вокруг и это меня очень мучает. За это надо неистово бороться и ещё за честность и прямоту, особенно, среди нас, писателей. Получается дико, - самого честного из поэтов Пастернака травят, а прожженные мерзавцы десятки лет пользуются неограниченным доверием и предадут свою страну...

Валерия Владимировна сейчас в Москве, она сюда вернется. Позвоните ей, она будет очень рада, она Вас очень любит.

Если бы я мог вылечить Вас от усталости, я бы сделал это с радостью.

Очевидно, надо переверстать жизнь, вышвырнуть из нее все мелочи, отдохнуть среди друзей, опереться на людей, действительно родных, любящих и чистых. Нужны настоящее содружество, настоящая работа, милые женские сердца и, наконец, природа. Без нее нельзя прожить ни одного дня и я, главный образ, за то и не люблю Москву, что там вместо природы - слизь, пропитанная трамвайным бешенством.

Я написал три небольших рассказа и пишу книгу. Работают медленно. Что выйдет, не знаю.

Пишите. Жду. Очень жду. Обнимаю Вас. Целую. К. Паустовский."

Четвертое письмо Константин Георгиевич выслал Г.Л.Эйхлеру 21 мая 1942 года из Алма-Аты.

К.Паустовский писал: "Генрих, дорогой мой, - ещё до получения Вашего письма я, не зная, где Вы, писал Вам в Кызыл-Орду (Маршак утверждал, что Вы там). Только сейчас узнал, где Вы и что с Вами, - от жеищины-врача, которая была у Вас.

Прежде всего о деле.Здесь, в Алма-Ате, мы (т.е. Шкловский, Квитко, Ильин, я и Зоценко) хлопочем в Верховном Совете, чтобы Вам прежде всего разрешили жить в любом из городов Казахстана.На днях должен быть результат. Это- шаги предварительные.

Кроме того, в Москве должен хлопотать Маршак, но необходимо его отсюда иодстегивать.Одновременно с этим письмом я пишу Маршаку и в Детиздат.Сегодня придет ко мне Введенская, - она узнала какие-то верные пути для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки (она - чудесная старушка).

Не отчаивайтесь, Генрих, дорогой, -будем делать все, что в наших силах, чтобы вырвать Вас и вернуть к работе.Это должно удасться, нужно только немного времени.

Вся история с Вами настолько потрясающа и нелепа, что долго длиться она не может.

Напишите мне сейчас же (Алма-Ата, ул.Калинина, 63, кв.29, 5-й жилкомбинат) - какие пути Вы считаете наиболее реальными, кому, по Вашему мнению, надо написать и что сделать (помимо того, что делается).Не написать ли в ЦК Петросяну? Пока все это будет вертеться, старайтесь беречь себя, если есть для этого хотя бы малейшая возможность.

Пишите. Есть ли у Вас телеграфный адрес и какой? Сообщите.

Целую Вас.К.Паустовский."

Пятое письмо Константина Георгиевнча написано на почтовой открытке,высланной из Москвы 7 июня 1946 года в Осакаровка.Вот оно:

"Генрих, милый, когда же, наконец, мы увидимся?Часто вспоминаем Вас с Костей и сетуем на свою беспомощность. Напишите еще раз Самуилу Яковлевичу - старик сейчас в славе и силе.

Целую Вас крепко. Привет от Валерии Владимировны. Привет жене - Ваш К.Паустовский."

Видимо, все пять писем Константина Паустовского не нуждаются в особых комментариях. Они не только воссоздают обстановку тех лет, - они, безусловно, проливают ясный свет на дружбу двух писателей, которая выдержала все испытания временем, даже очень и очень тяжелые.

Сосланный в далекие степи Казахстана, Генрих Эйхлер ощутил дыхание этой большой дружбы. В ссыльных поселках Осакаровского района Эйхлер не жил, а прозябал, ибо был насильно оторван от большой культурной и литературной жизни Москвы, своего любимого писательского дела, редактирования книг.

Он рвался всей душой хотя бы в Караганду, чтобы найти здесь точки приложения своим способностям и таланту. И Константин Паустовский, братья по перу в конце концов помогли ему - в 1948 году семья Эйхлера была переселена в Караганду. Прожил Генрих Леопольдович в Караганде до февраля 1953 года, где и скончался. На его скромном памятнике выбито гусиное перо - символ литературного труда.

Выл ли Генрих Леопольдович счастлив, живя в Караганде? Трудно сказать. Но во всяком случае счастливы были ученики Карагандинской средней школы №3, где Эйхлер преподавал в старших классах русскую литературу. Его ученик, писатель Б. Вайсберг вспоминал в журнале "Простор" (№11 за 1987 год): "Мне необыкновенно повезло в жизни: я учился в школе у Эйхлера..."

Это был человек особенный. Высокоинтеллектуальный. Честнейший. Добрейший...

Как много успел он сделать для становления детской и юношеской литературы в 30-х годах в Москве. И такой большой и яркий след оставил он в душах учеников в 40-50 годы в Казахстане как педагог!"

Сам Эйхлер был благодарен Константину Паустовскому за то, что из "глухой, далекой деревни", как он писал, в конце концов попал в Караганду, определился учителем в школу. В его "Дневнике" читаю: "Первый день занятий в школе - всегда радость... Для меня он был радостью вдвойне. Говорил, конечно, с большим увлечением - дети сидели как завороченные. Да и могло ли быть иначе? Ведь все-таки работа! Хоть и не мое родное дело, но дело замечательное..."

В "Книге скитаний" Константин Паустовский (повторюсь) написал об Эйхлере: "Его знали все так называемые"

мые детские писатели старшего поколения. Он всем сделал много добра".

Немало добрых дел совершил и сам Константи Паустовский. Одно из них - поддержка старого друга в тяжкие для него годы. Он сумел с помощью коллег и перу вызволить своего дорогого Генриха из осакарковского плена. А сделать такое в годы сталинизма было чуть ли ни равносильно подвигу!

Глава XIII

"И ветер гонит тучу тысячелетий"

Никто еще внятно не написал о пребывании Николая Заболоцкого в Караганде. Одни журналисты пишут, что он здесь отбывал срок в лагерях Карлага, другие, что был на поселении в Михайловке. Так где же на самом деле жил тут Николай Алексеевич, сколько времени пробыл, с кем дружил? Может быть, ещё не поздно прочитать карагандинскую страницу его жизни?

По моей просьбе в Информационном центре при прокуратуре области разыскали новые документы о лагерной и ссыльной жизни поэта. В личной карточке скудные данные. Родился в Казани в 1903 году. Социальное происхождение - служащий, национальность - русский, образование - высшее, специальность - "писатель, педагог", место жительства - Ленинград.

Далее указывается, что Николай Алексеевич Заболоцкий был осужден особым совещанием при НКВД 2 сентября 1938 года сроком на пять лет за антисоветскую деятельность. Начало срока - 19 марта 1938 года, конец - 19 марта 1943. Отбывал срок в Амурлаге НКВД. Постановлением второго отдела Амурлага от 15 марта 1943 года срок продлен до конца войны.

16 мая 1943 года Николая Алексеевича переводят из Амурлага в Алтайлаг НКВД. Из личного дела №53.100, заведенного на политзаключенного, явствует, что 19 марта 1944 года Н.Заболоцкий был освобожден, но оставлен

на работе в лагере на вольном поселении. В марте 1945 года Николаю Алексеевичу "органы" дали " послабление", отправив вольнонаемным в Караганду.

Вот и все, что явствует из этого документа. Но нельзя ли отыскать очевидцев пребывания поэта в Караганде? Мне повезло - в городской администрации подсказали, что близ Дворца культуры горняков живет пенсионерка Александра Константиновна Белавина. В Караганде она с 1945 года. Начала свою деятельность в управлении "Саранстрой", где и увидела впервые Заболоцкого.

Встретила меня Александра Константиновна в большой комнате. Всюду - книги. На столе - сборник стихов Николая Заболоцкого. Перехватив мой взгляд, хозяйка пояснила:

-Его поэзией я действительно давно увлекаюсь. О Заболоцком нередко вспоминают в связи с его переводом на современный русский язык "Слова о полку Игореве". Перевод блестящий. Но не менее великолепны и его лирические стихи, поэмы. Да вот - возьмите хотя бы стихотворение о нашем городе:

*И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав...*

Александра Константиновна продолжала:

- Всякий раз, когда я перечитываю эти стихи, передо мной встает Караганда 1945 года, тлеющие терриконы, копы шахт...

Оказывается, Николай Алексеевич прожил в Караганде всего около года. 26 января 1945 г. было принято постановление Государственного комитета обороны об освоении Саранского участка Карагандинского угольного бассейна, возведении шахт и города Сарани. И уже в феврале-марте на станцию Большая Михайловка начали прибывать первые эшелоны с экамами Алтайлага. В одном из них приехал в Караганду Заболоцкий. Сюда прибыла и его жена Екатерина Васильевна с двумя детьми - Никитой и Наташей. Жили они совсем недолго в доме номер десять по переулку Первомайскому в поселке Большая Михайловка, затем им выделили небольшую комнату в квартире №30 по улице Ленина, 9, в центре Караганды.

- Николай Алексеевич был назначен вначале старшим техником-чертежником проектного отдела "Саранстроя". С 20 июня 1945 года он был переведен исполняющим обязанности инженера отделения гражданских сооружений.

Сюда же пришла и архитектор Белавина.

- Работали мы с Николаем Алексеевичем в одной комнате,- рассказывала она. - Из сослуживцев хорошо помню Яна Александровича Ливеиштейна (он, как и Заболоцкий, был в тридцатые годы невинно осужден, кажется, за карикатуры). Возглавлял отделение гражданских сооружений К.А. Баранов, который очень ценил Заболоцкого и как работника, и как поэта.

- Каким был в то время Николай Алексеевич?

- Я запомнила его за рабочим столом. Он был всегда погружен в свое, говорил мало. Мы знали, что Николай Алексеевич - поэт, но просить его прочитать свои стихи стеснялись... Да и строители вечно торопили нас - требовали быстрее выдавать им проекты на временные сооружения для шахтерского поселка Сарань: бараки, столовую, овощехранилище... Наше управление прокладывало и железнодорожную ветку от станции Вольская Михайловка в Пришахтинск длиной около 15 километров. В проектировании ее принимал участие и Заболоцкий.

- Он ничем, казалось, особо не выделялся среди нас. Ходил на работу в обычной, простой курточке и хлопчатобумажных брюках. Но всегда при галстуке, в свежей рубашке. Как-то я похвалила его за внешний вид. Он смущенно заметил: "За это надо благодарить Катюшу".

К жене своей Екатерине Васильевне он относился с очевидной любовью. Она, в свою очередь, ухаживала за ним. Он был тогда уже болен. Моя подруга Евгения Федоровна Зиновьева (она и сейчас здорова, живет в Караганде) в то время занимала квартиру, расположенную на одной площадке с квартирой Заболоцкого. Она дружила с Екатериной Васильевной, помогала ей, чем могла. Ведь жили Заболоцкие до того скудно, что больного поэта иногда видели в ресторанах, где сердобольные официантки подавали ему хлеб, остатки от застолий.

Екатерина Васильевна рассказывала Белавиной, что Николай Алексеевич подорвал своё здоровье в лагерях. На Дальнем Востоке он работал в карьерах, на лесосплаве, на строительстве БАМа в Комсомольске-на-Амуре - разнорабочим. В мае 1943 года его забросили в Кулундинские

степи в Алтайлаг. Здесь на тяжелой работе в карьерах по добыче соды он окончательно надорвался. Сердце "забрахло"...

Николай Алексеевич в Караганде написал стихотворение "Жена", в котором воспел свое "сокровище жизни" - милую, обаятельную и заботливую Екатерину. Позже оно было опубликовано в "Избранном", вышедшем только в 1970 г. Номечено оно 1947 годом, видимо, в Москве Николай Алексеевич доработал стихи, отсюда и дата их появления.

Некоторые журналисты допускают ошибку, утверждая, что в Большой Михайловке Заболоцкий завершил работу над стихотворным нереложением "Слова о полку Игореве", начатым ещё в 1938 году в Ленинграде. Однако первый полный вариант его был завершён не в Караганде, а на станции Аккуль Акмолинской области.

Как попал туда Николай Алексеевич? Александра Константиновна рассказала, как в один из вечеров Заболоцкий неожиданно для всех попросил товарищей остаться после работы.

- Если хотите, - смущенно сказал он, - я почитаю вам отрывки из своего стихотворного изложения "Слова о полку Игореве".

- Николай Алексеевич читал великолепно. Мы слушали его "Слово", затаив дыхание, несмотря на своеобразие текста, - вспоминала Александра Константиновна. - Когда Заболоцкий ушел, и поблагодарив за внимание, наш начальник Баранов восхищенно сказал: "Вот это поэт!" И добавил: "Он должен быть в Москве вместе со своими коллегами-писателями". Именно тогда Баранов предложил направить Николая Алексеевича в Аккуль, в дом отдыха: "Там, в тиши, он быстрее завершит свою работу над "Словом". А ещё он предложил написать письмо от имени коллектива управления "Саранстрой" тогдашнему председателю правления Союза писателей СССР Николаю Тихонову. Все сослуживцы Заболоцкого горячо поддержали его. В октябре 1945 года коллектив управления "Саранстрой" направил официальное письмо в Москву Тихонову с просьбой оказать поэту Заболоцкому всемерную поддержку и помощь. Этот документ сыграл важную роль в жизни поэта. Под самый Новый год, 31 декабря 1945 года в управление саранского строительства поступила телеграмма Тихонова о вызове Николая Алексеевича в Москву. 7

января 1946 года перед отъездом Заболоцкий попрощался с сослуживцами.

...Вскоре из Караганды выехала и семья Заболоцкого - жена, дочь и сын. Произошло это в июне 1946 г. , после окончания учебного года в школах.

Осенью 1946 года в журнале "Октябрь" (№10,11) впервые был напечатан в переводе Заболоцкого на современный русский язык полный текст "Слова о полку Игореве". Слава снова пришла к поэту. Но полностью Николай Алексеевич был реабилитирован только в 1963 году, после настоятельных хлопот жены Екатерины Васильевны, чей жизненный подвиг можно сравнивать (как и судьбы многих других жен репрессированных) с подвигом жён декабристов.

Недавно я побывал в доме №9 по улице Ленина, в квартире, где жил Заболоцкий с семьей. После их отъезда здесь долго обреталась Александра Константиновна Белавина. Сейчас тут живет семья научных работников Исабековых.

С любезного разрешения хозяев я вошел в комнату, где жил поэт со своей семьей.

- К нам сюда приходит много людей, - сказал Камал Бейсенович, - все интересуются комнатой, где жил Заболоцкий, вещами, которые остались после него. А осталась только одна настенная лампа-бра. Мы её храним как реликвию. Кто знает, может, здесь со временем будет организован музей Николая Заболоцкого. Ведь в нашем городе помнят о нём. Но нет ни музея, ни даже улицы, носящей его имя. Вряд ли это справедливо...

Глава XIV

Как погиб Генри Фуко

Просматривая в Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя книги, статьи, очерки, опубликованные в журналах и газетах о женщинах-узницах Карлага, я неожиданно обнаружил, что в сталинском лагере для политзаключенных находилась жена боевого летчика знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман» Генри Фуко. Об этом всего одной строкой сообщалось в книге доктора исторических наук, преподавателя местного университета Дюсетая Шаймуханова и его дочери, кандидата исторических наук Сауле Шаймухановой «Карлаг», изданной в местном издательстве «Полиграфия».

Как же жена Генри Фуко попала в Карлаг? Я разыскал номер телефона Дюсетая Шаймуханова и задал ему этот вопрос. Он ответил:

— Жене командира эскадрильи «Нормандия-Неман» Генри Фуко очень хотелось узнать, как погиб её муж. И она обратилась в органы НКВД с просьбой выяснить причины гибели её любимого Генри. И вот вместо того, чтобы дать вразумительный ответ на просьбу жены Фуко, её арестовали и отправили в Карлаг.

Меня заинтересовала трагедия семьи Фуко. Может быть, Генри судили в годы Отечественной войны? И жена Генри, как тысячи других женщин-членов так называемых семей изменников Родины (ЧСИР), пострадала именно за это?

- Чего не знаю, того не знаю, - ответил Дюсетай Шаймуханов. - Видимо, она попала в Карлаг как враг народа, а может, и как ЧСИР. Но что отбывала срок как политза-

люченная в Карлаге, это точно. Ее фамилию я нашел в списке женщин-узниц Карлага, который мне дали в спецархиве прокуратуры нашей области.

Я начал разыскивать материалы о Генри Фуко. Был ли он изменником Родины, врагом народа? Как погиб? Может быть, в застенках известного Карлага?

Оказалось, ничего подобного! В книге «Нормандия-Неман» французский военный летчик Франсуа де Жоффра (Москва-1960 год. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР) несколько раз тепло вспоминает лейтенанта Генри Фуко, пишет об его отваге, храбрости и самоотверженности. Герой Советского Союза, полковник Василий Иванович Лукашин также в своих мемуарах «Против общего врага» (Москва-1965 год. Военное издательство Министерства обороны СССР) описывает ратные подвиги французского летчика, его воздушные бои. В частности, он вспоминает, как во второй половине 31 августа 1943 года летчики полка «Нормандия» в составе десяти «яков» вылетели на боевое задание, чтобы прикрыть накануне освобожденную нашими войсками Ельню. «Над городом завязался воздушный бой, в котором десять французских летчиков смело атаковали несколько групп вражеских бомбандировщиков, - писал В.И.Лукашин. - Первой меткой очередью сбил Хе-111 Дюран, а Фуко, Леон, Риссо и Матис огнем пушек подожгли трех «фоккеров». Теперь на боевом счету полка «Нормандия» стало сорок шесть сбитых самолетов»...

Участвовал Генри Фуко в боях за освобождение Смоленска и Рославля. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года он был награжден орденом Отечественной войны II степени. К сожалению, Генри не смог принять участие в церемонии вручения орденов, которое состоялось 15 февраля на аэродроме полка «Нормандия» - в это время он находился в госпитале.

Из книги Франсуа де Жоффра можно узнать и о том, как погиб Генри Фуко. 16 апреля 1944 года русское командование поручило «Нормандии» воздушную оборону Тулы. «В ожидании возможного нападения немцев, - писал Франсуа де Жоффра, - учеба продолжается. 21 апреля, около полудня, лейтенант Фуко выполнял «замедленную бочку», заканчивая свой утренний вылет. Чтобы исполнить эту классическую фигуру высшего пилотажа, он на большой скорости начал ~~переворачиваться~~ переворачиваться на спину. Вы-

сота 100 метров. Внезапно машина резко пикирует. Четверть секунды, и страшный взрыв потряс лагерь. Пламя... Дым... Ничего не осталось ни от Фуко, ни от его самолета.

«Может быть, он недостаточно оправился от тяжелого ранения, полученного им в прошлом году, - в сильном волнении говорит нам Лефевр. - У Фуко получилась уплотнение позвоночника. Из-за этого он чувствовал головокружение, иногда даже терял сознание».

Мы не отвечаем.

Бедный Фуко! Только это мы и можем произнести, провозжая его останки в маленькую березовую рощу, которую мы, увы, начинаем посещать слишком часто».

Узнала ли причину гибели отважного Генри его жена? Сейчас трудно судить об этом. Известно только одно: она просидела в Карлаге немало лет.

К сожалению, ее дело в спецархиве прокуратуры Карагандинской области по моей просьбе не было обнаружено. Видимо, оно находится в архиве бывшего КГБ в Москве.

- По настолнию бывшего КГБ в свое время многие дела на известных людей страны, сидевших в Карлаге, были отправлены в Москву, - пояснил мне заместитель начальника областной прокуратуры Виктор Васильевич Горецкий. - Хорошо помню, что среди них мы отправляли в КГБ дело писателя А.И.Солженицына, других политзаключенных. Так что о судьбе жены Генри Фуко у нас не осталось никакого следа. Жаль, конечно...

Зато благодаря своему журналистскому маленькому поиску я открыл для себя новую страницу героической и трагической жизни семьи Фуко. И почему-то с горечью подумалось, как хорошо, что национальный герой Франции Генри Фуко, мужественно погибший в России, не узнал о той страшной участи, что выпала на долю его жены в бывшем СССР. Этого ли заслуживала она?

Глава XV

Человек истории

Когда я начал публикацию в газетах и журналах очерков о знаменитых узниках Гулага, то меня буквально засыпали письмами и личными свидетельствами с пожеланием продолжить эту работу. Помню, ко мне обратился с иресьбой написать о трагической судьбе своего деда председатель совета директоров ОАО "Бидай-нан" Т.А. Туяков.

Его дед Кагарман Картабаев, 1891 года рождения, уроженец Каркаралинского района, работал в колхозе "Жана-аул" заместителем председателя хозяйства и парторгом. По ложному доносу он был арестован 24 мая 1938 года. Постановлением так называемой Особой тройки УНКВД по Карагандинской области Кагарман Картабаев 26 октября 1938 был обвинен якобы за участие в антисоветской, национал-фашистской террористической организации (существовала ли такая вообще? Опять черное дело НКВД). В том же году он был расстрелян. Его реабилитировали лишь 30 марта 1967 года постановлением Президиума Карагандинского областного суда.

Т.А. Туяков говорил мне:

- Это был человек прошлой мрачной истории. Сколько судеб людей загубили в то время. А как страдали от этого их родственники! После расстрела деда остались жена Сагимжан в возрасте 34 лет, четырнадцатилетний сын Сакен, пятилетняя дочь Мария, а сыну Карибаю было всего один год. Как они выжили, одному богу известно... Между тем, Кагарман Картабаев был человеком, преданным Советской власти, интернационалистом. Он был добр к лю-

дям, многое сделал для ликвидации безграмотности среди казахов...

Да, память людей нетленна. Не так давно ко мне обратились жезказганцы Людмила Барламова, Марина Станкевич, Наталья Сергушова с просьбой вспомнить имя пенсионера, страстного книголюба Владимира Георгиевича Кикоина.

Сейчас его в Жезказгане стали неоправданно забывать. А ведь он был в то время, когда я жил в Жезказгане, кумиром молодых литераторов, журналистов. Мы занросто приходили в его скромную квартиру, просили дать прочитывать что-нибудь интересное... И он находил для каждого нужную ему книгу, давал добрые советы, как читать ее, что сберечь в памяти. В его библиотеке было около двух тысяч книг.

Владимиру Георгиевичу везло в жизни на встречи с интересными людьми. Он был близко знаком с академиком Евгением Викторовичем Тарле, писателем Алексеем Толстым, известным кинорежиссером Фридрихом Эрмлером. Неоднократно приходилось ему присутствовать в клубе Дома книги на Невском проспекте в Петрограде на встречах с Корнеем Чуковским, Константином Фединым, Самуилом Маршаком.

В свое время Кикоин был техническим секретарем ленинградского журнала "Красная летопись", работал в Истпарте. Заведовала тогда Истнартом Прасковья Фраицевна Куделли. В феврале 1924 года она предложила Кикоину составить под ее редакцией биографию В.И.Ленина в хронологической канве, дать основные даты его жизни и деятельности. В мае 1924 года книжечка в 43 страницы под названием "Биография В.И.Леннна в датах и числах" была издана тиражом в 40 тысяч экземпляров и разошлась в течение двух недель.

У Владимира Георгиевича хранилась только фотокопия этой книжки. Как бесценную реликвию берег он ее. Ведь это была одна из первых попыток в истории книгоиздательского дела в стране дать массовому читателю биографию В.И.Ленина!

После выхода в свет первого издания "Биографии В.И. Ленина в датах и чнслах" в Ленинград приехала старшая сестра вождя революции - Анна Ильинична Ульянова. Однажды П.Ф.Куделли представила Кикоина Анне Ильиничне.

- Вот это и есть тот самый юноша, - сказала она, - который отважился составить одну из первых биографий Владимира Ильича, а также сумел разыскать фото молодого Ильича.

Везусловно, в настоящее время работа В.Г.Кикоина под редакцией П.Ф.Куделли, изданная в 1924 году, потеряла свое значение. Но для книголюбов небезинтересна была история создания первых страниц биографии Ленина и поиска его уникального снимка.

С большой любовью рассказывал Владимир Георгиевич и о встречах с известным кинорежиссером Фридрихом Марковичем Эрмлером. Оба они родились в одном городе Резекне, оба начали трудовую жизнь в двенадцать лет "мальчишками на побегушках" в аптекарском магазине. Владимир Георгиевич часто бывал в доме юного Эрмлера. Одногодки, они тогда были влюблены в кино, вместе бегали в единственный в городе иллюзион-барак с громким названием "Диана". Затем их пути разошлись - Кикоин уехал в Одессу ноступить в ремесленное училище, а Фридрих - учиться в Москву. Встретились они в Ленинграде только в 1939 году. Фридрих Маркович Эрмлер уже был к тому времени знаменитым режиссером. Им было о чем поговорить.

- Знаешь, Володя, - сказал Эрмлер с грустью Кикоину, - ничто не сотрет воспоминаний далеких детских лет, нежного чувства любви к своей малой родине-земле, где прошли годы детства и юности. Не забывай ее.

Не забывал Кикоин упомянуть и о казахстанском периоде творчества Фридриха Эрмлера. Всем известно, что в годы войны в Казахстане нашли приют студии "Мосфильм" и "Ленфильм", эвакуированные в Алматы. Фильмы, созданные на казахской земле в ту огненную пору, сражались как бойцы. Среди них - кинокартина "Она защищает Родину" Фридриха Эрмлера. Этот фильм имел огромный успех на фронте у наших воинов-освободителей.

Как-то я спросил у Владимира Георгиевича, как он попал в Жезказган.

- Милый ты мой, разве об этом спрашивают? - грустно посмотрел он на меня. - Конечно, не по своей воле. Обвинили в троцкизме - и тюрьма.

Владимир Георгиевич первым из старожилков рассказал мне о восстании заключенных Степлага в 1954 году, кото-

рое было подавлено танками, с применением огнестрельного оружия. Позже я прочитал об этом восстании в книге Александра Солженицына "Архипелаг Гулаг" в главе "Сорок дней Кенгира". Читал и еле сдерживал слезы.

Я иду по Жезказгану и сердце радуется, как свято и бережно чтут здесь людей, которые стали жертвами политических репрессий. Всюду названия улиц напоминают о них.

Выхожу к кинотеатру "Сары жайляу", и передо мной величественный памятник Сакену Сейфуллину. Он был сооружен к 100-летию со дня рождения известного казахского писателя. Сакен Сейфуллин много писал о медно-рудном крае, нервых рудоконях, революционерах Жезказгана. Он погиб в конце февраля 1938 года, став жертвой сталинских репрессий. Долгие годы его имя было предано забвению. Только в 1957 году он был полностью реабилитирован. Но даже после этого всю правду о Сейфуллине не было принято говорить. Тем не менее его имя, словно родник, продолжало жить в народе, было любимо и читаемо среди простых людей.

За что же его арестовали и расстреляли? Сохранились документы о жизни С.Сейфуллина, его трагедии в годы сталинизма. Вот что рассказывают некоторые из хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Например, выступление Сейфуллина - в прениях по докладу Н.Бухарина - на первом съезде Союза писателей бывшего СССР. Сейфуллин подверг резкой критике тех русских писателей и поэтов, которые, не зная уклада и обычаев казахского народа, однобоко, порой ошибочно пишут о нем. Особенно сильно досталось Всеволоду Иванову и Виктору Шкловскому. Цитирую:

"Вс.Иванов много пишет из жизни азиатских народностей. Но в его тоне, особенно в тоне его ранних произведений, проступает барское отношение к малым народностям. Он иногда рисует героя малых народностей наивным, а иногда и идиотом. Он иногда даже географии не знает, он не знает, где находится Казахстан и кто такие казахи, он не знает, где находится Киргизстан и кто такие киргизы" ...

"... Шкловский, когда проезжал по Турксибу через Казахстан, написал очерки о казахах из окна вагона, причем утверждает, что казахи называют себя киргизами".

И далее:

"Такие примеры в литературе, описывающей жизнь национальностей Советского Союза, к сожалению, встречаются. Все это доказывает, что писатели и поэты, не знающие языка наших национальностей, безответственно пишут об этих национальностях. И эти свои писания преподносят русскому читателю как подлинное, художественное, реалистическое изображение. Мы должны беспощадно бороться против таких искривлений нашей действительности в литературе"...

Сейчас нелегко себе уяснить ту обстановку, в которой находились в сталинские годы литературные таланты. Ведь в той обстановке писатели клялись на верность "вождю" и зачастую сами навешивали друг на друга ярлыки "троцкистов".

Сейфуллин всегда с уважением относился к омскому писателю Феокисту Березовскому, отправлял ему доверительные письма. Даже признается ему в том, что почитает его талант: "Только я везде и всюду у наших руководителей рекламировал Вас. Поймите это. Были люди из писательских руководителей, относившиеся к Вам ехидно. Они с некоторым ехидством поговаривали мне: "Твой Березовский!"

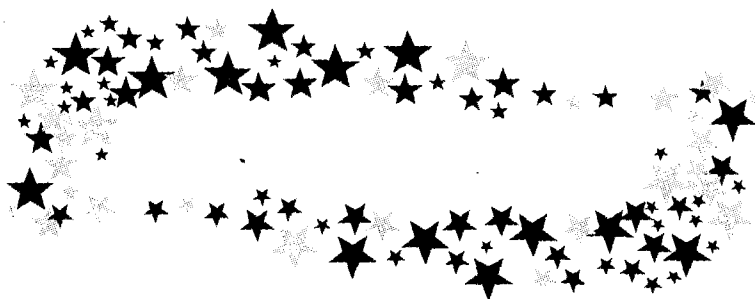
В январе 1936 года в Минске проходил очередной Пленум Союза писателей. В составе почетного президиума сидел "железный нарком" Ежов. И вот в его присутствии Ф.Березовский, оценивая творчество писателей Казахстана, сказал о Сакене буквально следующее: "... В своей поэме "Красный конь", а также в ряде других произведений Сейфуллин допускал политические ошибки, которые сродни троцкизму".

Что означало в то время сказать такую фразу? Это означало чуть ли не приговорить своего коллегу к смертной казни. Думал ли об этом Березовский? Сейчас трудно судить об этом. Скорее всего, нет. В письме Сейфуллину от 22 апреля 1936 года он пишет с сожалением о том, что доставил неприятности Сакену своим необдуманном, поспешным высказыванием на пленуме. Но слово - не воробей. Сразу после выступления Березовского за Сейфуллиным была установлена слежка.

Сейчас некоторыми оспаривается официальная версия гибели Сейфуллина. Он, мол, не был расстрелян в Алматы, а погиб в треклятом Магадане.

Но ведь важнее не забывать главного: такие одаренные люди, как Сакен Сейфуллин, всей своей жизнью, книгами и песнями приближали для нас пору независимости, свободы, творчества и вдохновения. И хорошо, что ему в Жезказгане соорудили памятник, а центральный бульвар в городе стал носить его имя.

Глава XVI

«Нана, Русаков вернулся!»

Никто еще ничего не написал о трагических страницах жизни замечательного геолога М.П.Русакова. Между тем, он в сталинские времена тоже был оклеветан и стал «врагом народа». Спас его от «тюремной сумы» Каныш Имантаевич Сатпаев, его друг, верный соратник.

Впервые я обратил внимание на связь этих имен, читая материалы III сессии ученого совета Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Алтая и Большого Джекказгана. Она проходила в Москве в 1934 году. Среди материалов сессии я нашел статью "Месторождения руд железа и марганца в Джезказган-Улутавском и Атасуйском районах", написанную совместно Русаковым и Сатпаевым.

... Их дружба началась в двадцатые годы в Томском технологическом институте. Сатпаев был еще студентом, а Михаил Петрович уже дипломированным инженером-геологом. Приходил он в технологический, чтобы послушать лекции академика М.А.Усова, перед умом которого склонял голову. Кстати, и Каныш Имантаевич всегда с любовью говорил о своем учителе Михаиле Антоновиче, называл его "пioneerом в деле зарождения и расцвета сибирской школы геологов".

На лекции Усова ходили не только студенты, но и опытные специалисты-геологи. Именно в перерывах между лекциями Усова сдружились Сатпаев и Русаков. А в народе не зря говорится: какого друга заведешь, такую и жизнь поведешь. Геолог Русаков был человеком поиска, творчес-

ких устремлений, у него было чему поучиться. Поэтому, когда пришла пора практики, студент Сатпаев попросился в геологическую партию к Русанову, которая разведывала в то время месторождения в долинах рек Шерубай-Нура и Сарысу.

Михаил Петрович, тогда уже опытный инженер-геолог, охотно учил Сатпаева вести геологические работы в глухой степи в урочище Бешпокы. Позже академик Академии наук Казахстана М.П.Русаков в своих воспоминаниях тепло напишет о практиканте-студенте Сатпаеве, их совместной работе по геологической съемке, осмотру целого ряда медных и других месторождений в 1923 году. "Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания: и в рудничных выработках Каныш Имантаевич заеживался дотемна", - писал Михаил Петрович. И дальше: "Расстались мы в августе 1923 года с большими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе".

Уже с 1927 года их пути сближаются. Именно в тот год в Москве проходило второе всесоюзное совещание по цветным металлам. На нем Русаков делает доклад "К дальнейшему развитию геологических работ в Казахской степи", в котором аргументирует необходимость расширения фронта работ по поиску месторождений в Центральном Казахстане. К.И.Сатпаев поддержал своего русского друга, ибо уже начал колонковое бурение на рудосодержащих площадках Джекказгана и открыл там рудные тела большой мощности. "Интуиция геолога мне подсказывает, что в джекказганской степи огромные пласты руды с большим содержанием меди, марганца, железа!" - взволнованно говорил Сатпаев, вторя Русакову, требуя расширить объем буровых работ в Центральном Казахстане.

Поддерживая Сатпаева, Михаил Петрович не раз и не два выезжает в Карсакпай, знакомится с джекказганским рудным месторождением. Специалисты Главцветмета не верили в перспективы крупного медного месторождения под Карсакпаем, и всячески тормозили развитие буровых работ в безлюдных степях. М.П.Русаков писал: "По-прежнему в главке исходили из цифр запасов, оставленных нам в наследство концессионерами... Уже в 1927 году Каныш Имантаевич сделал установку на опровержение этих представлений: не сотни тысяч, а миллионы тонн меди

должны лежать в недрах Джезказгана". И в 1929 году правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии в Джезказгане. В руках у Сатпаева, его товарищей появились отменная по тем временам техника и значительные средства.

Надо сказать, Михаил Петрович всю жизнь будет помогать Сатпаеву как самому близкому человеку, поддерживать его. В 1930 году, когда над прогнозами Сатпаева опять нависает дамоклов меч, когда ученые Яговкин и Котульский свирепствуют, опровергая пятилетний план широкой разведки Джезказгана, составленный Канышем Имантаевичем, М.П.Русаков снова приходит на помощь. Чтобы решить конфликты между Сатпаевым и Геолкомом, Совнарком посылает в Карсакпай экспертом Всесоюзной комиссии по вопросам полезных ископаемых не кого-нибудь, а именно Михаила Петровича Русакова. И он в своей докладной напишет: "К.И.Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудного поля определил его масштаб и масштаб перспективных запасов меди в недрах Джезказгана".

А молодому геологу Сатпаеву перед отъездом в Москву Михаил Петрович скажет:

- Живи, веря в себя, за другими не тянись, с моим советом все твори... Как любовь между нами да совет, так и горя нет...

В конце концов Сатпаев не без помощи Михаила Петровича Русакова пробивает первую брешь в айсберге холодного равнодушия чиновников Геолкома к джезказганским месторождениям. В 1934 году он и его геологическая экспедиция получают необходимые ассигнования на проведение разведочных работ по запасам меди, свинца, цинка, серебра в джезказганских степях.

Справедливости ради надо сказать, что и Сатпаев не раз и не два выручал своего старшего друга, пособлял ему на изломах и крутых поворотах жизни. Когда многие спецы в Геолкоме хотели завалить М.П.Русакова с его открытием Коунрадского месторождения, Сатпаев горячо отстаивал необходимость разработки детища Михаила Петровича и строительства завода-гиганта на берегу Балхаша. М.П.Русакову Каныш Имантаевич говорил откровенно: "Я очень ценю и понимаю твои крупнейшие достижения, такие, как Коунрад, Алмалык..."

Узнав, что я хочу написать о дружбе К.И.Сатпаева с

Русаковым, дочь Каныша Имантаевича, доктор геолого-минералогических наук Меиз Канышевна Сатпаева прислала мне из Алматы бандероль.

"Посылаю Вам фотографии из семейного альбома, где папа с М.П. Русаковым, - написала она в своем письме. - К сожалению, не нашла еще одну - карсакнайских времен. Если найду, пришлю. Писать о их дружбе, наверное, непросто - это было великое, чистое чувство, которое, как родник, питало поиск, творческую работу по открытиям богатых месторождений Казахстана. Они ведь были знаками в этом деле, поднимали на своих плечах геологию республики".

И это так. Теперь можно смело сказать, что медь Джезказгана, марганец Джебды и железо Каражала, открытые К.И.Сатпаевым, до сих пор кормят и ноют республику. Медь Коунрада тоже идет в зачет богатств Казахстана. И все это состоялось благодаря крепкой дружбе Сатпаева и Русакова.

Михаил Петрович прожил немалую, до предела насыщенную творческую жизнь. Родился он 20 ноября 1892 года в городе Юхнове ныне Калужской области, а умер 24 октября 1963 года в Москве. Но большая часть его жизни прошла в Казахстане, здесь он обрел свою Мекку. Здесь в 1946 году стал академиком Академии наук республики, заслуженным деятелем науки и техники Казахстана. Открытие Коунрадского месторождения стало для него той высотой, на которую не всегда способны подняться его многочисленные коллеги-геологи. Так и остается до сих пор: если говорим Коунрад, вспоминаем Русакова, если говорим Русаков, вспоминаем Коунрад... И обязательно близко, очень близко рядом с именем Русакова имя Сатпаева, и наоборот. Они вместе жили и работали, не могли друг без друга, так вместе и вошли в историю геологии.

В письме, датированном 24 августа 1992 года, Меиз Канышевна мне писала:

"Когда будете писать о дружбе Сатпаева и Русакова, не забудьте о той большой совместной научной работе, которую они провели бок о бок в стенах Академии наук республики. А то их вспоминают только в связи с открытием месторождений в Джезказгане и Коунраде. Это - неверно. Они были не только геологами, но и крупными учеными, вместе создали ряд больших крупных трудов. Прежде всего я имею в виду их общие усилия по созданию металлогении Казахстана.

Металлогения - это наука древняя, все геологи пытаются понять законы рудообразования. И заслуга Сатпаева - именно создание такого жизнеспособного коллектива, который смог поднять этот колоссальный труд, - составить прогнозные карты Центрального Казахстана. Идеи были и есть у многих. - И сейчас многие наши казахстанские геологи спокойно предали идеи Сатпаева, и живут спокойнее и веселее.

Но тогда именно отец смог объединить и ученых, и производственников, собрать воедино огромный материал, синтезировать его, создать эти карты, собрать в Алма-Ате I Всесоюзное металлогеническое совещание, выдержать жесткую дискуссию. И коллектив получил Ленинскую премию. И в этом коллективе был и Русаков, великодушный геолог-ученый, его верный друг и, можно сказать, наставник... Это был коллективный труд, но душой дела был Сатпаев... Его крепко поддерживал Русаков".

Подготавливая эту книгу, я неожиданно поймал себя на мысли, как мало мы знаем о Михаиле Петровиче Русакове. Если Канышу Имантаевичу посвящены книги А. Брагина, М.Сарсекеева, то о Русакове нет ни одной, даже маленькой брошюры... Но где же мне лучше начать сбор материалов о Русакове? После долгих раздумий пришел к выводу: конечно же, в Коунраде. Может быть, я смогу найти людей, которые близко знали Русакова, они доишут портрет человека, дружившего с Сатпаевым.

Приехав на "русаковские слои", я сразу стал искать свидетелей его пребывания в Коунраде. В конце концов поиски привели меня к начальнику тепловодоснабжения рудника, геологу Василию Владимировичу Червинскому. В геологоразведочной службе Казахстана он проработал около трех десятилетий. Когда был еще студентом горно-геологического техникума, немало поколесил на практике в Красноярском крае. Было это в 1952 году, когда начались первые детальные разведки сокровищ Сибири. Именно в тот год его определили в партию шестидесятилетнего М.П.Русакова.

- Меня сразу поразили его трудолюбие, удивительная способность оценивать запасы месторождений, - говорил В.В.Червинский. - И, конечно, его необычайная требовательность к себе и к товарищам.

- Именно в Сибири я впервые услышал от Михаила

Петровича о богатствах Прибалхашья, крупнейшем по мощности меднопорфировом месторождении, - продолжал Червинский. - Михаил Петрович часто говорил мне: "Будь я свободнее, обязательно продолжил бы обследование этого удивительного края".

И тут Червинский поведал мне о "черных" страницах из жизни Русакова. Оказывается, по ложным доносам 31 мая 1949 года Михаил Петрович был арестован и сослан в Сибирь. Каныш Имантаевич узнал об аресте Русакова от его матери, она написала Сатпаеву: "Обращаюсь к вам как мать, прожившая трудную девяностолетнюю жизнь, с мольбой - отнестись внимательно к моей просьбе..."

Будучи в Москве, Каныш Имантаевич заходил на Лубянку, требовал справедливости в отношении Русакова, убеждал, что с ним поступили нечестно. Ведь Русаков - гордость Казахстана, в сорок шестом за заслуги перед республикой его избрали академиком Академии наук Казахстана. Русаков - это Коунрад, это - карагайлинский свинец и барит, это - Боцекуль, Алмалык. Его именем назван минерал ванадий Каратауского месторождения.

Ничто не действовало на твердолобых сталинских чиновников. Больше того - сам Сатпаев к тому времени уже находился у них на подозрении, как и многие талантливые люди того времени. А вскоре и на Сатпаева "завели дело". Как вы знаете, его обвинили в крупных политических ошибках по воспитанию местных кадров, в национализме, допущенном якобы в юношеские годы. Может быть, его ожидала участь Русакова, но, как в свое время, спасая свою честь и свободу, писатель Михаил Александрович Шолохов выслал письмо кормчему И.В.Сталину о том, что его преследуют, с просьбой защитить от необоснованных нападок, так и Каныш Имантаевич дал телеграмму в Кремль вождю всех народов. "В настоящее время, - сообщал он, - группа лиц, спекулируя на неправильном освещении некоторых материалов времен моего юношества, подвергает меня травле".

И, о чудо, как был в свое время спасен от тюрьмы М.А. Шолохов, так не попал в политзэки и Сатпаев. Вождь любил, чтобы его просили о снисхождении талантливые люди, правда, не всех он прощал, а только тех, чье имя было слишком популярно в народе. Тут уже ничего не поделаешь, чтобы не возмущать людей, надо поменьше казнить их любимцев.

После настоятельных просьб Сатпаева уменьшили срок и его другу Русакову, так и не понявшему до конца дней своих, за что же он так пострадал. Как бы там ни было, в 1954 году Михаил Петрович вернулся из мест не столь отдаленных и сразу к Сатпаеву. Постучал в его квартиру в Алма-Ате, спросил:

- Странников на ночлег не берете?

Дочь Сатпаева, Меиз Канышевна, которая открыла дверь, не узнала его поначалу. Она мне рассказывала: "Я помнила его по Карсакпаю молодым, красивым. А тут передо мной стоял согбенный старец, с огромной длинной седой бородой. Вроде пришел за милостыней... И только когда взглянула в его горящие светом глаза, вспомнила - точно такие были у Михаила Петровича. И я крикнула: "Папа, Русаков вернулся!" Они обнялись. Папа сказал: "Вовремя ты вернулся, Михаил. Производственники хотят закрыть твой Коунрад, мол, запасы руд истощились. Я в это не верю, надо отстоять Коуирад".

И тут Русаков радостно вздохнул: "Конечно, отстоим!"

В.В.Червинский в 1954 году попросился на работу в Восточно-Коунрадскую геолого-разведочную партию. Она в тот год возобновляла разведку недр Коунрада. Эксплуатационники считали, что рудник будет скоро выработан. Геологи по совету К.И.Сатпаева стремились опровергнуть это мнение.

В 1955 году, когда Червинский вел документацию керн на буровых вышках, туда приехал Русаков.

- Да никак это мой юный сибирский коллега Васютка! - обнял бывшего студента-практиканта Михаил Петрович. И тут же, смахнув ладонью набежавшую слезу, одобритительно сказал: "Правильно, Василий, сделал, что приехал в Коунрад. Мы непременно должны доказать эксплуатационникам, что они не правы. Запасы Коунрадского месторождения во много раз больше, чем они предполагают".

Всего с неделю пробыл тогда Русаков в Прибалхашье. Он сделал несколько докладов о будущем Коунрада, доказывая, что отказываться от разработки ценного месторождения было бы нелепо. Ведь его основное рудное тело скрывается в глубинах земли.

Я не раз посещал Балхашский краеведческий музей и всегда останавливался в уголке М.П.Русакова. Здесь с большой точностью воспроизведен кабинет Михаила Петровича в ленинградской квартире, в которой он жил с 1920

года. Очень много личных вещей Русакова: письменный стол, стул, чернильница, минералы, найденные Михаилом Петровичем в Прибалхашье. Есть личная библиотека ученого-геолога, тут же его книга "Медное месторождение Коунрада", изданная в 1934 году. Все это передали в дар музею сноха видного ученого Нина Павловна Русакова и его сын - геофизик Игорь Михайлович Русаков. Нина Павловна до сих пор живет со своим сыном Михаилом, названным в честь деда, в ленинградской русаковской квартире, часто иереисывается с сотрудниками музея.

В музее бережно хранят ее нисьма. Некоторые из них я переписал в свой блокнот. Видимо, нет необходимости всех их цитировать. Однако одно из них ириведу полностью.

"М.П.Русакова помню, начиная с 1950 года. Мы тогда только что поженились с его сыном Игорем. Михаил Петрович нисал нам из Красноярска письма. Я их берегу, мы их перечитываем с сыном. Внук Михаила Петровича назван в честь своего деда. Я стараюсь сохранить в целости все документы, фотографии, библиотеку, вещи Михаила Петровича. Но многое мы уже иередали музею Октябрьской революции в Москве, часть вещей увезли в Балхаш. Но письма и семейные фото - у меня. Они передаются из поколения в поколение. Это - но-русаковски, - говорят друзья. Да и живем мы с сыном в ленинградской русаковской квартире. Михаил Петрович жил здесь с 1920 года. Сюда приезжают балхашцы, геологи из Казахстана, Магадана, заходят просто друзья Русаковых..."

Есть в музее несколько фотографий, на которых М.П.Русаков изобразен вместе с Каиышем Имантаевичем Сатпаевым. Вот они вместе гуляют в березовой роще в Алма-Ате, вот склонились над металлогеническими картами Центрального Казахстана, вот вместе рассказывают о несметных богатствах Казахстана в музее Института геологических наук в 1957 году. Сатпаев и Русаков всегда были неразлучны, их взаимная привязанность друг к другу, бескорыстная, стойкая, помогала им в работе.

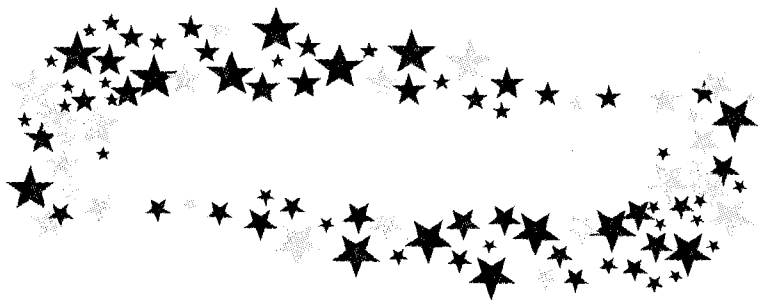
... Покидая поселок Коунрад, попросил водителя машины остановиться у памятника нервооткрывателю Коунрадского месторождения М.П.Русакову. Мы проезжаем по улице, носящей его имя, сворачиваем в небольшой опрятный сквер. А вот и стела с барельефом геолога, рядом - огромный кусок медной руды с прозеленью. Я дол-

го смотрю на памятник и с благодарностью думаю о друзьях-геологах Сатпаеве и Русакове, которые поставили месторождения Центрального Казахстана на службу нашей республики. И думаю, как было бы хорошо, если бы на пьедестале памятника они тоже были вместе, как в жизни.

Вася Шорников

1980 - 2001 годы

Слово о книге

Новая книга Валерия Могильницкого «Звезды Гулага» - это повествование о знаменитых узниках сталинских лагерей.

В ней впервые на новых архивных материалах рассказывается о трагических страницах жизни Александра Чижевского, Льва Гумилева, Николая Заболоцкого, Александра Солженицына, Вадима Козина, Лидии Руслановой, Веры Хоружей, Генриха Эйхлера, Александра Есенина, Генриха Фогелера, Алимхана Ермекова, Елизаветы Тухачевской, Евдокии Рютиной, Глафиры Блюхер, Лидии Багрицкой, Ивана Гронского, Михаила Зуева-Ордынца, родственников и мамы Булата Окуджавы и других. Все они в сталинские времена были оклеветаны, а их имена преданы поруганию или забвению.

Словом, в книге предпринята серьезная попытка впервые рассказать о всех тех самобытных талантливых людях, кто волей подопечных Сталина оказался на архипелаге Гулаг. Один из больших островов этого черного архипелага - Карлаг стал ссыльным местом для тысяч людей, тем гибельным болотом, в котором они задохались, а зачастую и погибали, лишены воздуха свободы. К примеру, на Спасском отделении Карлага, как пишет Валерий Могильницкий, отбывали свой срок блестящий ученый Александр Леонидович Чижевский, математик-прикладник Павел Гаврилович Тихонов, выдающийся специалист-теплотехник Владимир Леонидович Пржецлавский, впоследствии работавший вместе с конструктором косми-

ческих кораблей Сергеем Павловичем Королевым... Однако не все сумели пройти сквозь некло Карлага, сгорели в его жестоком пламени.

В районе только одного Спасского завода сейчас кладбище - 15 тысяч могил. И не все имена невинно убиенных сталинским режимом людей пока восстановлены...

Еще во времена Н.Хрущева были предприняты первые попытки заставить сиять заново имена знаменитых ученых, писателей, геологов, певцов, художников - словом, всех тех, кто подвергался постоянным гонениям, унижениям и страданиям. Однако восстановление нарушенных прав граждан, реабилитация жертв политических репрессий были в то время непоследовательны и, по существу, прекратились во второй половине 60-х годов.

Безусловно, потребовалось немало времени, чтобы в республике началась целенаправленная и последовательная работа по реабилитации жертв массовых репрессий. И связана эта большая работа с именем нашего Президента Нурсултана Назарбаева. Именно он первым в Казахстане проявил инициативу по восстановлению исторической правды, возданию должного памяти жертв политических репрессий. Не могу удержаться, чтобы не воспроизвести одно его высказывание: «Где-то я вычитал такую мысль: народ, который не уважает свою историю, - не уважает себя... Бережное отношение к истории - лучший гарант того, что сегодня и завтра мы не совершим новых трагических ошибок».

В жизни каждого народа бывают события, которые никак нельзя забывать, ибо это будет безответственно перед будущим. Поэтому 1997 год был объявлен в республике Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Так решил глава государства, исходя из многочисленных просьб общественных организаций и граждан. Действительно, 1937 год, когда над людьми чинили расправу без суда и следствия, до сих пор вызывает у всех нас душевную боль, скорбь и тревогу. В Сатпаеве, близ Жезказагана, недалеко от городского кладбища воздвигли памятник тем, кто стал жертвой страшного голода и террора в 30-е годы. Он сделан в виде разрушенной юрты, в ней - пустой опрокинутый казан, недогоревшие поленья...

Да, все это надо помнить новому поколению молодых людей... Автор справедливо утверждает, «что без воспита-

ния ненависти к тоталитаризму не может быть и речи о любви к Родине, ныне демократической и свободной». Именно с этой целью теперь каждый год в республике проводят День памяти жертв политических репрессий. Время гласности, огромных демократических преобразований позволяет восстановить справедливость по отношению к тем людям, имена которых до недавнего времени находились под запретом.

И это автору удается. Чувствуется, что Валерий Михайлович Могильницкий многие годы своей жизни отдал работе в архивах Караганды и Жезказгана, музеях и библиотеках. Им собран ценнейший материал, который и лег в основу книги. Многие очерки из этой книги публиковались в газете «Труд», которая издается миллионным тиражом. Значит, они нашли признание не только в Казахстане, но и в странах СНГ.

Конечно, «это надо не павшим, это надо живым», - говорят в народе. И, думается, автор книги правильно ставит вопрос о том, чтобы большая забота о пострадавших от политических репрессий, сохранении памяти о нашем мрачном и трагическом прошлом, героизме жертв сталинского террора стала нормой нашей жизни. Без воспитания молодежи на горьком опыте прошлого, новых ценностях демократии обществу не выжить.

Книга Валерия Могильницкого «Звезды Гулага» как раз и написана с этой большой целью. Буду бесконечно рад, если она поможет делу воспитания нашей молодежи. Поэтому охотно рекомендую ее читателям. Тем более, что она написана ясным, простым языком, доходчиво.

Камзабай БУКЕТОВ,
*член правления Союза писателей области,
заведующий историко-краеведческим музеем
Карагандинского государственного университета
имени академика Е.А. Букетова*

Содержание

Жена поэта утешала жену маршала	5
«Милости судьбы»	15
«Как у поэта сложено»	21
За решеткой - женские глаза	30
«Я не кабинетный ученый, а каторжный»	37
Улица Алимхана Ермекова	44
«Не все так никчемно в моих трудах»	49
Под зэковским номером 179888	63
И Хоружая была «врагом народа»	71
Возвращаются из забвения	77
«И боль разлуки»	84
Давно забытые письма	89
«И ветер гонит тьму тысячелетий»	95
Как погиб Генри Фуко	100
Человек истории	103
«Пана, Русаков вернулся!»	109
Слово о книге	118

"Звезды Гулага"

Могильницкий Валерий Михайлович

Технический редактор Г.Лиценберг

Отпечатано с готового набора.

Подписано в печать 25.05.2001 г. Формат 60x90/16.

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 8,25. Усл. кр.-отт. 8,67. Цена договорная.

Тираж 2000 экз. Заказ № 238.

Отпечатано в ОАО «Карагандинская Полиграфия»

г. Караганда, ул. Ермакова, 33.

2001 год.

***Книга издана за счет средств автора
и рекламодателей.***

*Читайте новую книгу Валерия Могильницкого
«Звезды Тулага»!*

Новая книга Валерия Могильницкого
«Звезды Гулага» -

это повествование о знаменитых узниках
сталинских лагерей.

В ней впервые на новых архивных материалах рассказывается о трагических страницах жизни Александра Чижевского, Льва Гумилева, Николая Заболоцкого, Александра Солженицина, Вадима Козина, Лидии Руслановой, Веры Хоружей, Генриха Эйхлера, Александра Есенина, Генриха Фогелера, Алимхана Ермекова, Елизаветы Тухачевской, Евдокии Рютиной, Глафиры Блюхер, Лидии Багрицкой, Ивана Гронского, Михаила Зюева-Ордынца, родственников и мамы Булата Окуджавы и других.

Все они были в сталинские времена оклеветаны, а их имена преданы поруганию или забвению.

